

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования
Семинар «Фундаментальные вопросы развития сложных
социальных систем»

**Что такое добро и зло,
и каково их воплощение
в современных парадигмах
(центрах) развития мира**

*Материалы
постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 5

Москва
Научный эксперт
2012

УДК 111.84(063)

ББК 87.7я431

Ч-80

Научный руководитель семинара: С.С. Сулакшин

Ч-80 **Что такое добро и зло, и каково их воплощение в современных парадигмах (центрах) развития мира.** Материалы научного семинара. Вып. № 5. М.: Научный эксперт, 2012. — 96 с.

ISBN 978-5-91290-190-4

Ответственный за выпуск: О.А. Середкина

Редактор: Ю.Е. Мешков

Художественное оформление: С.Г. Абелин

Компьютерная верстка: О.П. Максимова

Сдано в набор 2.10.2012 г.

Подписано в печать 8.10.2012 г.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Minion. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии ГМЦ

105679, Москва, Измайловское шоссе, 44

Тираж 500 экз. Заказ № 000

УДК 111.84(063)

ББК 87.7я431

ISBN 978-5-91290-190-4

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2012

Содержание

С.С. Сулакишин. Вступительное слово научного руководителя семинара	5
---	---

Тема семинара

Что такое добро и зло, и каково их воплощение в современных парадигмах (центрах) развития мира	7
--	---

Доклад

С.И. Реснянский. Что такое добро и зло, и каково их воплощение в современных парадигмах (центрах) развития мира	7
--	---

Содоклад	15
-----------------------	----

Ю.А. Сафонова. Что такое добро и зло и каковы / их воплощения в мире?.....	15
---	----

Вопросы к докладчикам и ответы	31
---	----

Выступления	41
--------------------------	----

С.А. Кравченко. Интегральная интерпретация Добра	41
---	----

П.М. Кудюкин. Добро и зло: вопрос религии, философии, науки?	45
---	----

С.С. Оганесян. Понятия добра и зла в Священных Писаниях	47
--	----

В.Э. Багдасарян. О возможности союза религии и науки на основании идентификации добра и зла	51
--	----

Д.Ш. Халидов. Добро и зло? Наука и религия могут найти общий язык.....	54
Н.В. Асонов,. О «добре» и «зле» с позиций политической науки.....	59
В.Н. Лексин. Семь тезисов к дискуссии о природе добра и зла в современном мире	64
Д.С. Чернавский. Вера в лучшее будущее необходима даже с медицинской точки зрения.....	72
И.Л. Андреев. Трудно искать черную кошку в темной комнате, где вообще никого нет	74
Д.А. Лебедев Что есть философский символ добра?.....	77
Д.Н. Замятин. Добро и зло как категории сакральной географии	78
С.С. Сулакишин. Смысл жизни ученого — в создании нового.....	80
Т.А. Чикаева. Современная религиозность носит довольно поверхностный характер.....	
Заключительное слово докладчиков	
С.И. Реснянский	91
Ю.А. Сафонова	92
Темы семинара	94
Список участников семинара	95

Вступительное слово научного руководителя семинара

*С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Сегодня заседание семинара в определенном смысле знаменательно, потому что устроители, отбирая в некотором круге темы для семинара, сталкиваются со вполне определенными вызовами. Я не ставлю своей целью их все перечислить, потому что это предмет дискуссии, нашей с вами активности, но один вызов хотел бы отметить.

Кто же не знает, что такое добро и зло? Да все знают, потому что в своей жизни оперируют этими понятиями, и никаких сомнений ни у кого не возникает. Тем не менее, когда задаешь себе этот вопрос, в любом контексте — хотя бы в обыденном, рутинном — при поиске ответа вдруг оказывается, что нет четкого представления, что это такое. Тема граничит с когнитивной периферией парадоксальности, в которой возникают удивительные вопросы. Может ли существовать добро, если нет зла? Начинаешь понимать, что во зле есть добро, потому что без зла не существовало бы добра. Парадоксальные вызовы, вероятно, относятся к фундаментальным, базовым. Сказать «философским вызовам» — это значит ничего не сказать; но они относятся к смысловым основаниям бытия человеческого сознания, разума и человека как категории. Мы прикасаемся к этим базовым категориям в контексте не обыденном, а научном.

Следующий вызов, на который я хотел бы обратить внимание, заключается в контекстной интерпретации смысловой нагрузки. Она очень вариативна. Иногда можно употреблять совершенно знакомые словосочетания, но без дополнительных оговорок можно перестать понимать в научной дискуссии друг друга. Но, как представляется, в некоторых случаях — возможно не очень многочисленных — смысловая нагрузка базовых, фундаментальных, категориально-аксиоматических понятий все-таки тяготеет к абсолютизму. Какие-то отдельные категории абсолютны и внеин-

терпретационны для любых контекстов. Мне представляется как гипотеза, как предположение, как вызов, который, возможно, найдет отражение в дискуссии, что представление о добре и зле — это абсолют. Эти понятия универсальны. Если бы нам удалось приблизиться к такой смысловой аксиоматике, к такому описанию и препарированию, из которого вытекает, что добро есть добро и никогда ничто другое, а зло есть зло и никогда ничто другое, то, как мне кажется, это было бы очень содержательным и важным.

Я еще раз подчеркиваю, что не предписываю и не навязываю, не модулирую все, что сегодня произойдет. Я всего лишь выражаю наши ожидания и собственные мысленные напряжения, которые предшествовали замыслу сегодняшнего семинара и будут следовать его ходу. Потому что, начиная с этой категории, мы попытаемся построить вполне практические конструктивы государственного управления, ответы на актуальные российские вызовы. Мне представляется, что фундаментальность, даже абстрактность сегодняшней темы, тем не менее, сопряжена с совершенно практическими и актуальными задачами, которые мы решаем как индивидуумы, как граждане, как страна в целом, как ее политический институт. Хочется пожелать сегодня интересной дискуссии.

Напоминаю, что сегодня будут представлены два содоклада. Они совершенно различны по своей методологии. Тем более интересно, что мы сможем сопоставить, кроме содержания, еще и методы, их результативность и устойчивость полученных с их помощью результатов.

Тема семинара

Что такое добро и зло, и каково их воплощение
в современных парадигмах (центрах) развития
мира

Доклад

Что такое добро и зло, и каково их воплощение
в современных парадигмах (центрах) развития
мира

*С.И. Реснянский,
доктор исторических наук*

Бог сотворил мир любовью.
Распростри одежду свою над падаю-
щим и покрой его
И. Сирий

Подтолкни, что падает
Ф. Ницше

Не исцеляйте зло злом
Василий Великий

Наш мир — что очевидно — это столкновение человеческих воль, желаний, мнений, потребностей. Бытие любого живого существа на Земле сопряжено с постоянной борьбой за выживание, за обеспечение для себя комфортных условий среди себе подобных. В этой связи, слова Э. Фрома о «брошенности в жизнь» человека актуализируют эту вечную проблему, говорят о необходимости жесточайшей конкуренции людей друг с другом за место под солнцем, и в этой борьбе все средства хороши. Жизнь — это стадион, где человек, обезьяна — чемпион за выживание вида.

Действительно, в мире существует великое множество видов зла: природное зло, физическое, социальное (войны, революции, рабство и т. д. и, наконец, бытовое зло, моральное зло и т. п.). Сартр говорил, что ад — это другие. Значит прав был апостол Павел с его жесткой максимой «мир во зле лежит», и мы все паяцы в театре Люцифера. В таком случае, есть ли выход за пределы этого вселенского зла? Как бороться со злом и в чем его источник: сам человек — этот источник добра и зла, или добро и зло вкоренены онтологически в ткань мира? Какие силы могут оказаться наиболее действенными в этой борьбе? Какие черты в этой связи должны преобладать в человеке, нации? Что тогда есть добро и в чем критерии добра и зла?

Предметное поле данной проблематики неисчерпаемо. Эта вечная проблема напрямую сопряжена с фундаментальными вопросами человеческого бытия вообще. Что такое человек и в чем смысл его бытия в мире? И есть ли этот смысл? Как писал А.С. Пушкин: «Цели нет передо мною, сердце пусто, празден ум. И томит меня тоскою однозвучный жизни шум». Отличается ли человек в своей сущности от своего существования или нет? Как не быть инструментом в оркестре, нотой в симфонии? И что представляет собой в таком случае человеческая личность? Как возникает агрессия? (Об этом прекрасно сказано К. Лоренцом).

Человек в мирском пространстве и в сакральном пространстве религиозных конфессий — это разный человек. И чем отличаются тогда аксиологическое мировидение каждой из конфессий, в том числе и по проблеме добра и зла? Что есть истина? Эта тема также находится в рамках дискурса добра и зла.

Итак, действительно, на что опереться, чтобы понять сущностное? Во все времена человечество стремилось осмыслить все эти вопросы, найти нравственные ориентиры на пути к гармонии человеческого бытия, обосновать наличие зла в мире и, по возможности, ограничить его проявления в жизни людей. О чем свидетельствует опыт прошлого? Прежде всего о том, что добро и зло — фундаментальные категории человеческого бытия. Однако понимание данной проблемы у разных мыслителей прошлого совершенно различно. Гедонизм, например, понятия добра и зла связывал с удовольствием и наслаждением человека; эвдемонизм

рассматривал добро как основание человеческого счастья; утилитаризм и прагматизм представляли добро как пользу, а зло — как ее отсутствие. Интересна полемика, которая в свое время имела место в древнем Китае между адептами конфуцианства. Так, один из учеников Конфуция Мэн-Цзы утверждал, что человек от природы добр, и следовательно, государство должно всячески содействовать развитию его естественной природы, минимально воздействуя на него, давая возможность человеку самому самоопределиваться. Его оппонент, Сюнь-Цзы, напротив, считал, что человек от природы зол, и потому должен быть подвергнут перевоспитанию со стороны государства. «Дурная» природа человека, его «злое» начало давало право государству осуществлять полный контроль над личностью в целях ее «коррекции». Так от решения вопроса о природной сущности человека по сути дела зависело оправдание демократического или тоталитарного общественно-политического режима.

Природа человека непредсказуема: зачастую ни его поведение, ни юридические установления, ни социальные учреждения, ни научные знания не прибавляют добра в душе человека и не приближают его к любви к ближнему. Напротив, зло и эгоизм, которые русский религиозный философ Н. Лосский считал главным проявлением зла в мире, переодеваются в процессе истории, приспособляются к новым условиям, становятся замаскированнее и опаснее. В человеке «совмещено все: и свет и тьма, и рай и ад, золото и грязь, Божественное и демоническое. Сейчас он великодушен, добродетелен и кроток, а мгновение способен превратиться в дикого зверя. Лукаво сердце человека и крайне испорчено, кто узнает его», — говорит пророк Иеремия (17,9). Все космогонические мифы древних культур свидетельствовали о неискоренимости зла в мире и о бытии человека под властью законов необходимости в этом царстве зла. И китайское *ци*, и их учение об *инь* и *янь*, и бессмысленно вращающееся колесо сансары в буддизме, и древнеиндийское учение о «Кали-Юга», и священная книга древних персов Авеста, как и учение их пророка Заратустры, и гармония пифагорейцев, лежащая в основе их космогонии, да и вся космология Античного мира, как, впрочем, и архаика всякого язычества, в том числе и славянского, — не выходят за пределы твар-

ного мира, за пространство «вечного возвращения» одних и тех же «извечных архетипических жестов». А потому человек, проникающийся этими явлениями и соединяющийся с ними, остается в энергетическом поле тварного мира и не в состоянии постигнуть путь искоренения зла в человеческом бытии. В пространстве циклических моделей вечного возвращения сделать это было невозможно. Только христианство открыло человеку трагическую картину борьбы человеческой души с космическим всепроникающим злом. Воплощение Христа, Бога Слова, Его Воскресение открывают возможность для человека соединения с нетварной божественной энергией и позволяют сделаться, по слову апостола Павла, «причастником Божественного естества», а значит человеком как Образом Божиим, свободным в выборе добра или зла. Тайна вечности заключается в том, что для людей выбор добра или зла является личностным выбором. Главное здесь — направление нашей воли. А она напрямую связана с той иерархией ценностей, в которой человек видит смысл своего бытия в мире. В христианской концепции человек — свободное, совестливое существо, обладающее вечной душой и сознающий свою ответственность за последствия своих решений и могущий нравственно их оценивать. Добро и зло актуализируются через человека и его оценки. Любые ценности могут быть как добрыми, так и злыми, в зависимости от внутреннего мира человека, от того, какие приоритетные ценности доминируют в его душе. Политические суждения также оцениваются в рамках дихотомии добра и зла. За ними всегда стоит определенная система ценностей, которая должна разделяться большинством, чтобы быть «добрым» в политическом смысле. Хотя, конечно, в современном мире масс-медиа, медийное пространство формируют общественное сознание и во многом вносят свою лепту в оценку того или иного события. Именно масс-медиа подсказывают человеку, какие проблемы связаны с добром, а какие со злом. Это пространство парадоксальным образом смешивает добро со злом. В христианстве же приоритетна роль духовно-нравственных ценностей, среди которых: истина, нравственность, добро, свобода как ответственность, красота, любовь, сострадание, нравственная ответственность личности, Бог. Главное в иерархии ценностей христианина — любовь к Богу и ближнему. По

слову Максима Исповедника: «Любовь есть божественная сила, стягивающая и связывающая воедино весь космос и всякую вещь, существующую в нем, высшую и низшую... Порок создан из того же материала, что и добродетель. Нет природных сил души и тела, которые были бы плохи сами по себе, они становятся злом лишь тогда, когда принимают... форму извращения».

Надо сказать, что различные цивилизации в мире складывались при доминировании той или иной интерпретации понятий добра и зла, той или иной системы ценностей. Как писал В. Аксюциц: «Существовали культуры и культы, которые можно квалифицировать, как inferнальные (инков в древности, либо германских национал-социалистов в современности). Были в истории и магические цивилизации (Древний Египет). Мы живем в эпоху натуралистической цивилизации».

Чем характерна, на мой взгляд, подобного рода цивилизация? Об этом прекрасно сказано писателем Максом Фришем в его книге «Человек производящий»: «Если нужны друзья, то только для времяпрепровождения, если нужна женщина, то только для физиологии. Смысл жизни подменяется качеством жизни», т. е. всецелое погружение человека в материальные заботы при полном устранении запросов духа. Главным идолом современной культуры потребления являются деньги как высшая ценность и мера всех вещей. Это, на мой взгляд, мерзкая маска зла в современном мире. А начался этот длительный процесс оскотинивания человека, как мне представляется, с начала эпохи модерна, когда человек молящийся сменился человеком играющим (об этом прекрасно написано у Йохана Хейзинги). Сотериологический тип культуры (от лат. «Сотер» — Спаситель) тогда сменился на Эвдемонический (от греч. «эвдемония» — счастье). Рационализм, этот «первородный грех Европы» (Г. Флоровский) вытеснил из духовного пространства Запада «неведомое Его» (по слову апостола Павла), сакральную составляющую мира. Однако потребность в шкале ценностей не терпит вакуума: на место Абсолюта приходят иные кумиры, идолы, вожди, фетиши, вещи, деньги, политические догмы, партийные лозунги или их смесь. Вместо Абсолюта начали обожествлять человеческий разум. Человек стал предельной ценностью, мерлом всех вещей. Именно этот постепенно выраставший атеисти-

ческий Левиафан с его тотальной материализацией человеческого сознания привел Запад к сегодняшней духовной, а не за горами — и материальной пропасти. Зло этого процесса в том, что Запад пытается тянуть за собой всех. Прекрасной иллюстрацией этой духовной деградации является живопись П. Брейгеля — в частности, его картина «Слепой ведет слепого». Современное западное сознание — бесспорно, сознание секулярное. Еще Достоевский показал, что западная культура произросла из трех искушений дьявола. И сегодняшний моральный релятивизм и процессы деструкции нравственной личности человека и общества, неистовое вещелюбие, разнузданность плоти, процветание цинизма во всех его формах — от *soft power* во внешней политике до леди Гаги на эстрадных подмостках — напрямую связаны с этим отсутствием сакрального в ценностной иерархии Запада, с господством апостасийной ментальности. И это главное зло современной западной цивилизации. В условиях господства во всех сферах современного бытия (в политике, социуме, искусстве) постмодерна с его отрицанием вообще какой-либо иерархии ценностей размываются такие бинарные оппозиции, как жизнь — смерть, любовь — ненависть, прекрасное — безобразное — эти краеугольные этические категории добра и зла. А ведь известно, что «одна из уловок духовного зла — это смешать понятия, запутать в один клубок нити разных духовных крепостей и тем создать впечатление духовной органичности того, что неорганично по отношению к человеческому духу», — писал по этому поводу архиепископ Иоанн Шаховской. Характерный пример такого смешения добра и зла — симулякротивная медийная картина мира как духовно-нравственная проблема современного общества. Или современное искусство с его безответственностью и эвокацией призраков прошлого, сил зла через творчество.

Что такое современное искусство: это отображение жизни или конструирование новой реальности, где главным демиургом нового мира становится автор произведения? Скорее всего, на мой взгляд, второе. Ужас трансцендентного зла, но в красивой упаковке: К. Леонтьев (пример — булгаковский роман «Мастер и Маргарита»), силы хаоса, их беспорядочные потоки энергии (энтропии), Иуда, Каин, Пилат и т. п. сатанократия через каналы талантов

людей искусства постоянно проникает в наш эмпирический мир. (Сальвадор Дали писал по этому поводу в своем дневнике, что его мучают кошмары до тех пор, пока он не выплеснет их на холст). Черный квадрат К. Малевича, мир Кафки, Беккета, Ионеско и др. также можно включить в этот ряд. Вспоминаются в этой связи слова гениального химика А.Н. Лавуазье о том, что «в природе ничего не рождается и ничего не гибнет». Нет здесь креации и аннигиляции. Сегодня идет борьба соблазнов. Человека пытаются купить, соблазняя его чувственность всевозможными видами зла в красивом обличье.

Действительно, зло — куда интереснее добра, и не один аскетический трактат не выдержит сравнения с Камасутрой. Сегодня на Россию идет натиск либеральных ценностей, натиск денег, идут потоки злой энергии. Американский лад на деньги. Финансовые, криминальные, военные, партийные, властные, кормушечные разного рода коррумпированные структуры — пирамиды зла. Либеральные ценности даются для вытеснения Православия, ибо здоровый национальный дух базируется на православной системе ценностей. Эти соблазны зла попущены Богом. «Кто не со Мной, тот против Меня; и кто не собирает со Мной, тот расточает». Сейчас происходит разрушение семьи (культ разврата и извращений), идет вырождение народа. Во главу угла ставятся выгода, рентабельность, служение мамоне, деструктивные культы и т. д., скольжение вниз по пути зла. Достоевский в «Подростке» пророчил: наестся человек и спросит: «А дальше что?». А дальше, на мой взгляд, расчеловечение человека как Образа и Подобия Божия. Сегодня идет настоящая духовная брань, где, по образному выражению Достоевского, «идеал Мадонны борется с идеалом содома, а поле битвы — сердца людей».

Глобальные проблемы современности: бедность для одних и позитивистский рай сытости для других (золотой миллиард), экология, энергетика, демография и т. д. Не отречение от сатаны, есть в то же время жертвоприношение этому князю тьмы внутреннею слова, а значит и всего человека. Согласно христианской апокалиптике, апостасийный процесс неизбежен, ибо так надлежит быть. Силам зла будет «дано вести войну со святыми и победить их». В финале истории — всемирное владычество зла (Антихриста).

Ну а затем наступит Судный день, и придет Христос — в «чем застанет, в том и судить будет».

Главное для человека — не участвовать в делах тьмы. Единственный путь для этого — соби́рание в себе внутреннего человека на основе православных духовных ценностей, как об этом говорил Григорий Палама. И.В. Киреевский писал в этой связи, что «западный человек искал, как развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избегнуть тяжести внешних нужд». Христианство принесло в мир идею движения как исторического (идея линейного развертывания истории вместо циклического воспроизведения, так и онтологического (человек должен превзойти то состояние, в котором он вошел в мир). Запад искажил эту христианскую идею, подменив ее духовную составляющую понятием материального прогресса.

Что такое добро и зло и каковы их воплощения в мире?

Ю.А. Сафонова

Вечная проблема добра и зла сегодня представляется очень актуальной в российском гуманитарном дискурсе. Связано это в первую очередь с тем, что не только политическая элита страны, но и значительная часть ее научного и экспертного сообщества постепенно впадают в этический релятивизм. В качестве примера приведем достаточно типичное для ряда современных отечественных философов суждение о роли добра и зла в политике, высказанное профессором философского факультета МГУ в ходе круглого стола по теме «Моральные императивы в политике»:

«В отличие от морали, политика не оперирует такими понятиями, как совесть, добро, зло, справедливость, несправедливость, гуманизм. Политика оперирует другими понятиями. Главное — интерес. Если политик защищает классовые, геополитические, государственные интересы, такая политика морально оправдана... Моральные нормы связаны с ценностями, политические — нет. С точки зрения морали можно говорить об общечеловеческих ценностях. В политике общечеловеческие ценности отсутствуют... В политике есть интересы... Я не могу терпеть внешнюю политику Соединенных Штатов. Но Соединенные Штаты ведут разумную политику с точки зрения их интересов... **Основное в политике — это государство, а государство — это насилие.**»

Иван Аршакович Гобозов, профессор кафедры социальной философии МГУ.

Моральные императивы в политике (круглый стол на философском ф-те МГУ. 11 ноября 2011 г.)

На наш взгляд, превалирование такого типа взглядов в российской интеллектуальной элите может привести страну к еще большему кризису, нежели тот, в котором она пребывает на данный момент. Причем речь идет не столько о духовной деградации народа, сколько об опасности попадания в своего рода «эволюционный»¹ тупик государственного развития.

Для того чтобы обосновать изложенный выше тезис, нам необходимо в первую очередь решить задачу теоретико-методологического раскрытия ключевых для исследования категорий — «добро», «зло», «воплощение добра», «воплощение зла».

Наш подход к определению этих понятий в целом укладывается в рамки наиболее развитого течения в аналитической этике — этического объективизма².

Действительно, сегодня эксперименты на стыке психологии, физики и нейрологии наносят серьезный удар по нравственному релятивизму, убедительно свидетельствуя в пользу реального, фиксируемого на различных уровнях существования этических норм. Так, например, в середине 1990-х гг. двумя российскими учеными — В.И. Ставицким и И.В. Прохорцевым — было установлено, что информация о нравственном настрое человека может быть отражена в энергетической модуляции электрического сигнала. В экспериментах, проведенных с помощью прибора «Психрограф», было выявлено, что мысленная ориентация человека на «добродетельные» состояния вызывает рост фиксируемого потенциала поля, а на негативные — его падение³. А в январе 2012 г. в ходе экспериментов, проводимых под патронажем Управления научных исследований ВМС США, была обнаружена особая область головного мозга, отвечающая за обработку таких глубоких

¹ Эволюцию мы в данном случае понимаем как категориальный прогресс, т. е. развитие определенного объекта нашего мира в позитивном направлении с точки зрения выбранного субъектом критерия. В качестве критерия в данном случае мы рассматриваем такую специфическую характеристику сущности, как способность самосохраняться в своей идентичности и бытийности.

² См., например: Blackburn S. *Essays in Quasi-Realism*. Oxford: Clarendon Press, 1993; Is Objective Moral Justification Possible on a Quasi-Realist Foundation? // *Inquiry* 42, 1999; Mackie J.L. *Ethics: Inventing Right and Wrong*. N.Y.: Viking Penguin Inc., 1977.

³ Смирнов А.П., Прохорцев И.В. *Принцип Порядка*. Спб.: ЗАО «ПиК», 2002. 296 с.

убеждений человека, как религия, национальная идентичность и этический кодекс⁴.

Однако в то время как для большинства ученых-объективистов достаточным является факт *признания* реального (либо трансцендентного, либо естественного посюстороннего) существования добра и зла⁵, мы ставим перед собой цель не только доказать абсолютность этих понятий, но и определить четкий критерий, позволяющий разграничивать добро и зло.

Итак, что есть добро и что есть зло? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, следует искать в решении другой фундаментальной задачи: что есть человек?

1. Что есть человек?

Даже в бытовом понимании категории добра и зла неотделимы от человека. Невозможно представить себе их наличие в мире, из которого мы в качестве мыслительного эксперимента уберем всех людей. Даже общепринятое в утилитарном подходе к нравственности понятие *физического зла* (землетрясения, цунами и т. п.) требует наличия человека в качестве объекта, благополучию которого вышеупомянутые явления приносят ощутимый вред. Поэтому, прежде чем раскрыть ключевые для исследования дефиниции «добра» и «зла», необходимо определиться с тем, что мы понимаем под человеком.

В общефилософском смысле человек есть некая сущность, т. е. нечто самодостаточное, устойчивое и отличное от всех прочих сущностей.

Сущность — данность, материальное проявление предмета, процесса, явления, которое характеризуется устойчивыми, воспроизводимыми и классообразующими особенностями, отличающими эту сущность от иной⁶.

⁴ Результаты работы опубликованы в журнале *Philosophical Transactions of the Royal Society* под названием «Биология культурного конфликта» (*The Biology of Cultural Conflict*).

⁵ Максимов Л.В. Квазиобъективность моральных ценностей. Этическая мысль. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2005. С. 37–38.

⁶ Категориальная сущность и эволюция человечества в мегаистории и в бесконечном будущем. Материалы научного семинара. Вып. № 1. М.: Научный эксперт, 2011. С. 11.

Сущность неотделима от собственных устойчивых и отличительных свойств, которые далее мы будем называть сущностными признаками (рис. 1).

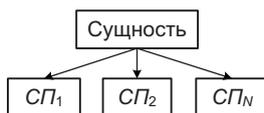

Рис. 1. Сущностные признаки в своей совокупности формируют сущность

Существование сущности напрямую зависит от существования и сохранения во времени ее сущностных признаков. Иными словами, математически сущность можно выразить конъюнкцией (произведением мер) сущностных признаков:

$$C = kСП_1 \times kСП_2 \times \dots \times kСП_N,$$

где C — сущность, $СП$ — сущностный признак, а k — весовой множитель, характеризующий относительную значимость каждого из сущностных признаков⁷.

Набор сущностных признаков формируется по двум ключевым принципам: необходимости и достаточности, т. е. наличие каждого из выделяемых сущностных признаков является непреложным условием для наличия самой сущности: $СП \neq 0$.

Исходя из вышесказанного, можно представить наш вопрос о том, что такое человек, в виде конкретной исследовательской задачи, а именно — определения набора сущностных признаков, характеризующих человека.

II. Сущностные признаки человека

Расположив человека на шкале биоэволюции (рис. 2), границы между этапами которой в действительности (и это подтверждается многочисленными экспериментами биопсихологов) не явля-

⁷ В настоящей модели все коэффициенты будут равнозначны и приняты за единицу, однако в дальнейшем предусматривается возможность рассмотрения вопроса о весовых множителях и выработки методологии их расчета.

ются жесткими, мы обнаружим, что часть классовообразующих для человека признаков роднит его с другими сущностями.

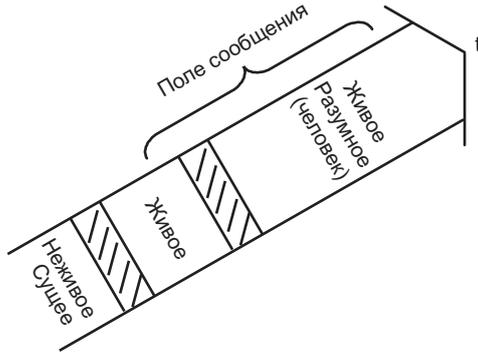

Рис. 2. Общее представление об эволюции природы

Наиболее очевидным из этих признаков является принадлежность человека к формам живой природы. Однако для нас более значимым является определение тех сущностных признаков, которые отличают человека от других форм жизни (в том числе высокоорганизованных животных, включая человекоподобных обезьян и т. п.). Ключевую роль в этом отношении наука традиционно отдает сознанию.

Под сознанием обычно понимают этап развития психики⁸, в рамках которого становится возможным отражение действительности в ее отделенности от биологических потребностей субъекта, т. е. отражение, выделяющее ее объективные устойчивые свойства⁹.

Иными словами, в то время как для животного всякий предмет окружающей действительности всегда выступает неотделимо от его инстинктивной потребности, а значит отражается им лишь теми своими сторонами и свойствами, которые связаны с удовлетворением этих потребностей, человек способен не только созна-

⁸ Психика есть свойство живых высокоорганизованных материальных тел, которое заключается в их способности отражать своими состояниями окружающую их, независимо от них существующую действительность.

⁹ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Издательство МГУ, 1981. С. 143.

вать действительность объективно, но и мыслить (на более высоких стадиях своего развития как вида).

Мышлением в собственном значении слова мы называем процесс сознательного отражения действительности в таких объективных ее свойствах, связях и отношениях, в которые включаются и недоступные непосредственному чувственному восприятию объекты¹⁰.

Основными следствиями выделения в сознании человека отражаемой реальности как объективной являются:

- выделение в качестве другой своей стороны мира внутренних переживаний и возможность развития на этой почве самонаблюдения¹¹;
- появление человеческой деятельности, которая, в отличие от поведения животных, является **не** инстинктивно-биологической реакцией на изменения среды¹², а специфическим процессом, выражающим активное отношение субъекта к действительности¹³.

Возвращаясь к нашей исследовательской задаче, следует задаться вопросом: отвечают ли найденные признаки (бытийность человека в форме жизни и наличие сознания) не только критерию необходимости, но и *критерию достаточности* для того, чтобы охарактеризовать человека как сущность. На первый взгляд представляется, что ответ должен быть утвердительным. Действительно, до сих пор наукой не зафиксировано наличие иного вида живых существ, обладающих сознанием (и тем более — мышлением); следовательно, всякая сущность, у которой имеются обозначенные сущностные признаки, с точки зрения формальной логики должна

¹⁰ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Издательство МГУ, 1981. С. 152.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Деятельность животного может осуществляться лишь по отношению к предмету жизненной, биологической потребности или по отношению к воздействующим свойствам, вещам и их соотношениям (ситуациям), которые для животного приобретают смысл того, с чем связано удовлетворение определенной биологической потребности. Поэтому всякое изменение деятельности животного выражает собой изменение фактического воздействия, побуждающего данную деятельность, а не самого жизненного отношения, которое ею осуществляется.

¹³ Здесь и ниже термин «инстинктивный» употребляется нами в самом широком его значении — как непосредственно природный.

признаваться человеком (а не высшим млекопитающим — например, человекоподобной обезьяной).

Однако в отношении данной системы утверждений нам представляется необходимым сделать пару ремарок. Во-первых, отталкиваясь от традиционного понимания сознания как *возможности* для отражения действительности определенным образом, т. е. некоего *потенциала*, следует иметь в виду вероятность того, что этот потенциал может быть как раскрыт, так и абсолютно не развит у конкретного индивида. Ярким примером последнего являются не единожды фиксируемые наукой случаи «Маугли»¹⁴, т. е. истории человеческих особей, воспитанных зверьми в диких условиях и оказавшихся неспособными развить свою психику до уровня человеческого сознания после помещения в социальную среду, несмотря на значительные усилия, направленные на их воспитание и обучение¹⁵.

Эти случаи находят в науке вполне удовлетворительное объяснение, согласно которому каждый индивид (в качестве представителя человечества как вида) получает и развивает свои специфические человеческие способности (сущностные признаки) в процессе социализации и накопления индивидуального человеческого опыта. Иными словами, по отношению к исконно человеческим психологическим новообразованиям «наследственные, прирожденные механизмы и процессы являются лишь необходимыми внутренними (субъективными) условиями, делающими *возможным* их возникновение; но они *не определяют* ни их состава, ни их специфического качества»¹⁶. **То есть человеком не рождаются, а становятся** по мере усвоения человеческих способностей и функций в рамках процесса социализации.

¹⁴ Дети джунглей («Маугли», «феральные люди» от лат. *fera* — дикое животное) — человеческие дети, которые жили вне контакта с людьми с раннего возраста и не имели опыта социального поведения и общения. К настоящему времени в литературе описано более ста подобных случаев; кроме того, многие могли не получить огласку.

¹⁵ Те, кто жил в обществе животных первые 5–6 лет жизни, практически не могут освоить человеческий язык, ходить прямо, осмысленно общаться с другими людьми.

¹⁶ *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Издательство МГУ, 1981. С. 156.

Возвращаясь к случаям «Маугли», следует признать, что отсутствие своевременной социализации, повлекшее за собой их неспособность в дальнейшем развить свою психику до уровня человеческого сознания и мышления, вынуждает нас утверждать, что «Маугли» несмотря на свое человеческое происхождение¹⁷, не могут вполне признаваться людьми с точки зрения категориального понимания этого слова.

Здесь же следует дать вторую ремарку к ответу на вопрос о том, являются ли жизнь и наличие сознания достаточными сущностными признаками человека. А именно, помимо крайне редких (в процентном отношении ко всему человечеству) случаев Маугли существуют гораздо более многочисленные примеры людей, которые, несмотря на успешное усвоение норм человеческого общежития, своими поступками демонстрируют, что во многих отношениях их восприятие и отношение к действительности напрямую подчиняются их биологическим потребностям. Конечно, мы не вправе отказывать этим людям в том, чтобы считать их людьми (а не представителями иного вида живых существ), однако это позволяет поставить наш исходный вопрос в несколько иной форме.

Если границы между людьми и не-людьми (например, обычным человеком и Маугли) являются достаточно размытыми (т. е. могут существовать не-люди человеческого происхождения), а переход от животного к человеку оказывается плавным (т. е. существуют люди в большей или меньшей степени приближенные к животным по своим признакам), то, очевидно, должен существовать противоположный животному состоянию полюс, на котором сущностные человеческие признаки являются максимально выраженными.

Что же это за полюс, и какими свойствами он характеризуется?

III. Категориальный человек

Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо вновь вернуться к методологической части исследования, а именно — к понятию сущность. Выше мы уже говорили о том, что сущность

¹⁷ И, соответственно, полное морфологическое и генетическое сходство с человеком.

представляет собой конъюнкцию (произведение) мер сущностных признаков. Это подразумевает не только необходимость фактического наличия каждого сущностного признака ($СП \neq 0$) для фиксации сущности, но и такое парадоксальное свойство сущностных признаков, которое можно выразить словами «чем больше, тем лучше»¹⁸.

Иными словами, чем больше количественное значение меры всех сущностных признаков (в идеале стремится к бесконечности), тем легче и надежней наблюдатель может выявить сущность. Отсюда следует, что идеальная категория (в нашем случае — категориальный человек) характеризуется максимальным выражением всех сущностных признаков.

Выходит, что если на одном из полюсов развития человека (в качестве человека) будет находиться биочеловек (человек, максимально приближенный к животному), то на другом будет находиться человек категориальный (в котором в максимально возможной степени выражены все сущностные признаки человека). Т.е. шкалу эволюции природы можно изобразить следующим образом (рис. 3).

Рис. 3. Расширенное представление об эволюции природы и человека

¹⁸ Категориальная сущность и эволюция человечества в мегаистории и в бесконечном будущем. Материалы научного семинара. Вып. № 1. М.: Научный эксперт, 2011. С. 22.

Однако мы ответили лишь на первую часть вопроса — какой полюс противоположен животному полюсу человеческого развития. Остается определить, какими признаками характеризуется этот полюс. Из вышесказанного становится очевидным, что бытийность в форме жизни и наличие сознания (как потенциала) в данном случае не являются достаточными.

Следуя предшествующей логике изложения, можно утверждать следующее:

- категориальный человек должен обладать признаками, означающими максимальную степень выраженности сознания, т. е. по своим характеристикам отстоять как можно дальше от животных с их инстинктивным поведением и биологически-потребительским отношением к окружающей действительности;
- как последний из фиксируемых нами на данный момент этапов эволюции природы¹⁹, категориальный человек должен обладать наибольшей бытийной способностью (т. е. способностью самосохраняться в своей идентичности) по сравнению с предшествующими этапами;
- и, наконец, сущностные признаки, отличающие категориального человека, должны фиксироваться в его деятельности, поскольку, согласно нашему представлению, именно благодаря усложнению деятельности в процессе эволюции появилась возможность и необходимость изменения органов и функций живых существ, которая вела к возникновению более высоких форм психического отражения²⁰.

Иными словами, сущностные признаки категориального человека должны отвечать двум основным требованиям:

- максимально отличать его от животных — как с точки зрения его сознания, так и с точки зрения его деятельности;

¹⁹ Эволюцию мы в данном случае понимаем как категориальный прогресс, т. е. развитие определенного объекта нашего мира в позитивном направлении с точки зрения выбранного субъектом критерия. В качестве критерия в данном случае мы рассматриваем такую специфическую характеристику сущности, как способность самосохраняться в своей идентичности и бытийности.

²⁰ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Издательство МГУ, 1981. С. 137.

- увеличивать его жизнеспособность по сравнению с предшествующими формами жизни.

Исходя из этих требований, представляется, что наилучшей формой выражения признаков категориального человека являются ценности; но не просто ценности, а *ценности-мотиваторы*, т. е. критически важные характеристики объекта человеческой деятельности, выраженные в трех ипостасях:

- в мнении (суждении, мировоззренческой установке);
- в намерении (устремленности к действию);
- и, наконец, в действии.

IV. Сущностные признаки категориального человека: ценности-мотиваторы

Каково же содержательное наполнение этих ценностей-мотиваторов? Для его выяснения независимо друг от друга в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования было применено три основных метода.

Первый представлял собой аксиоматическое номинирование ценностей-мотиваторов категориального человека в соответствии с выявленными к ним требованиями²¹.

Второй — историко-сравнительный метод — основывался на гипотезе о том, что в истории человеческой мысли должны существовать исторически и географически инвариантные представления о категориальном человеке и его сущностных признаках (ценностях-мотиваторах). Источниковой базой для исследования послужили тексты священных писаний основных религий — в силу их несомненного авторитета и приоритета в качестве свода ценностей, а также труды ряда этических школ.

И, наконец, третий метод сводился к систематизации и анализу данных акмеологии²² с точки зрения интересующих нас критериев.

²¹ Категориальная сущность и эволюция человечества в мегаистории и в бесконечном будущем. Материалы научного семинара. Вып. № 1. М.: Научный эксперт, 2011. С. 38–39.

²² Акмеология (от др.-греч. ακμή, акме — вершина, др.-греч. λόγος, logos — учение) — раздел психологии развития, исследующий закономерности и механизмы

Следует отметить, что сравнение результатов, полученных тремя различными методами, дало нам картину, позволяющую подтвердить истинность нашей исходной гипотезы. Несмотря на незначительные количественные и стилистические различия в трех полученных независимым образом списках ценностей, все они характеризовались содержательным единством, что позволило нам провести дальнейшую работу по их корректировке и сведению в один конечный список. Он представлен ниже в виде пар, где в скобках указаны соответствующие состояния, при которых номинированная ценность-мотиватор как бы отсутствует:

1. Стремление к совершенству (уныние, равнодушие).
2. Потребность в творчестве и созидании (рутинность сознания).
3. Гибкость сознания и готовность к переменам (ригидность сознания, консерватизм).
4. Милосердие, отказ от насилия (агрессия, пренебрежение человеческой жизнью).
5. Любовь, гуманность (безразличие к ближнему).
6. Терпимость (нетерпимость, неприятие иного).
7. Самообладание, умеренность (гедонистическая и аффективная невоздержанность).
8. Приоритет духовного над материальным (алчность).
9. Усердие (ленность, праздность).
10. Благоразумие (легкомыслие).
11. Искренность (ложь).
12. Служение людям, социальность, альтруизм (индивидуализм).

Здесь представляется важным подчеркнуть одну деталь, а именно: этим списком мы выводим человека за грань его биологической обусловленности, в пространство воли. Христианским эквивалентом этому может послужить учение о свободе выбора, дарованной Богом человеку, в том числе свободе выбора между добром и злом.

мы, обеспечивающие возможность достижения высшей ступени (акме) индивидуального развития.

V. Добро и зло: человек в пространстве ценностей

Только там, где есть сознательно действующий субъект (человек), с нашей точки зрения, можно говорить о «добре» и «зле».

Однако помимо наличия сознательно действующего субъекта, неотъемлемым атрибутом добра/зла (и, соответственно, выбора между ними) должен быть некий критерий, позволяющий отличить добро от зла, доступный в той или иной степени восприятию субъекта (человека).

Этим критерием для добра, с нашей точки зрения, и является приведенный выше список ценностей-мотиваторов, воспроизведение которого в сознании, намерении и действии человека приближает его к собственной категориальной сущности, отдаляя его от сферы биологической и рефлекторной обусловленности, характерной для животных.

Иными словами, под **добром** мы понимаем *характеристику помыслов, намерений и поступков человека, отражающую его сознательное (волевое) стремление действовать в соответствии с его высшей (категориальной) человеческой назначенностью*.

А механизмом, посредством которого добро и зло становятся доступными восприятию субъекта, является совесть.

Совесть — особый морально-психологический механизм, проявляющийся как в форме рационального сопоставления индивидом своих действий с категориально-человеческими ценностями-мотиваторами, так и в форме эмоциональных переживаний (так называемых «угрызений совести»).

Чем же в таком случае является зло? Здесь мы подходим к очень важной проблеме природы зла, которая в нашей системе координат получает двойное основание. Следуя нашей логике изложения, если добро представляет собой движение человека (как индивида) и человечества (как вида) к своей категориальной сущности (назначенности), то зло (как противоположность добра) представляет собой движение в обратном направлении. В общем смысле:

зло — это характеристика помыслов, намерений и поступков человека, отражающая его сознательное (волевое) стремление действовать вопреки своей высшей человеческой назначенности/совести.

Однако важно иметь в виду, что это движение может идти по двум направлениям:

- по направлению к биологическому началу в человеке (т. е. сознательный отказ следовать категориально-человеческим ценностям-мотиваторам, движение к отсутствию этих ценностей и инстинктивно-биологическому поведению и восприятию действительности);
- по направлению к социальному, волевому началу в человеке, но со знаком «минус» (т. е. сознательный выбор ценностей, противоположных категориально-человеческим ценностям-мотиваторам, движение к анти-ценностям и поведению, противоположному поведению категориального человека).

Графически это можно отобразить следующим образом (рис. 4).

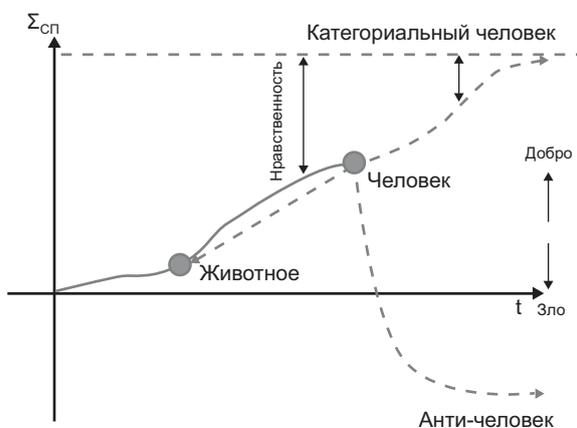

Рис. 4. Три выбора человека (обозначены пунктиром): движение к добру (категориальный человек), движение к биологическому злу (биочеловек), движение к социальному злу (античеловек)

Содержательно это означает наличие у зла двухчастной природы: зла биологического и зла социализированного; причем второе оказывается хуже и страшнее. Методологически же из этого следует, что наш список ценностей-мотиваторов необходимо дополнить еще одной графой анти-ценностей (вплощающих собой полюс сознательного, социализированного зла) (табл. 1).

Таблица 1

Категориально-человеческие ценности-мотиваторы и полюсы биологического социализированного зла

№	Категориально-человеческие ценности-мотиваторы (полюс добра)	Отсутствие категориальных человеческих ценностей-мотиваторов (полюс биологического зла)	Анти-ценности (полюс социализированного зла)
1	Стремление к совершенству	уныние, равнодушие	стремление к низкому и пошлomu
2	Потребность в творчестве и созидании	рутинность сознания	стремление к разрушению
3	Гибкость сознания и готовность к переменам	ригидность сознания, консерватизм	ретроградство, догматизм
4	Милосердие, отказ от насилия	агрессия, пренебрежение человеческой жизнью	жестокость, садизм
5	Любовь, гуманность	безразличие к ближнему	мизантропия, презрение и ненависть к людям
6	Терпимость	нетерпимость, неприятие иного	воинствующий фанатизм
7	Самообладание, умеренность	гедонистическая и аффективная невосдержанность	стремление к удовлетворению потребностей в извращенной форме
8	Приоритет духовного над материальным	алчность, корыстолюбие	глумление над духовным, вандализм
9	Усердие	ленность, праздность	паразитизм
10	Благоразумие	легкомыслие	коварство, подлость
11	Искренность	неосознанная ложь	лицемерие
12	Служение людям, социальность, альтруизм	индивидуализм	эгоизм, эгоцентризм

Следует сказать, что отмеченный выше нравственный выбор (и соответствующие ему траектории развития) присутствуют в жизни каждого конкретного человека и человечества в целом (как сообщества людей, выбор которого определяются суммой вы-

боров всех его представителей). Причем под *нравственностью* мы в данном случае понимаем меру приближения человека и человечества к своему категориальному идеалу (см. рис. 4).

Предложенная нами модель отвечает двум основным требованиям моделирования, обладая как познавательным, так и преобразовательным потенциалом. Ее использование предоставляет исходные предпосылки для прогнозирования, позволяя увидеть картину позитивного и наполненного смыслом будущего для человека и человечества. И что не менее важно, использование этой модели позволяет получить представление о том, как должно действовать человечество, чтобы создать себе это будущее.

Иными словами, мы имеем основания ответственно заявить, что нравственные императивы для человечества и человеческих институтов — это следующий (и потому неизбежный) шаг в развитии. Воплощение в жизни человека, в работе государственных, а также меж- и надгосударственных институтов категориально-человеческих ценностей-мотиваторов и искоренение условий для существования в этих сферах анти-ценностей должно стать ключевой задачей человечества на данном историческом этапе его развития.

Однако следует иметь в виду, что нравственный прогресс человечества противоречив в своей основе. Наряду с совершенствованием морали, укреплением гуманности, честности и справедливости происходит изощрение зла, оттачивание его средств и приемов, усиление способности маскироваться под добро. Поэтому, для того чтобы ответственно подойти к вопросу выработки рекомендаций по нравственному возрождению человечества, представляется необходимым обратиться к мировой истории с тем, чтобы в ней:

- с большей ясностью увидеть реальность вызова добро/зло;
- определить вклад значимых в мировом масштабе продуктов творческой деятельности человека (идей, учений, теорий, практик, общественных институтов и структур и т. п.) в движение человечества к своей высшей назначенности.

Проще говоря, следует обратиться к изучению конкретных исторических воплощений добра и зла с тем, чтобы определить их форму и содержание, условия и причины появления, конкретные последствия для человечества, в том числе с точки зрения его мегаэволюции.

Вопросы к докладчикам и ответы

Вопрос (И.Л. Андреев):

Вопрос Юлии Александровне Сафоновой.

В Вашем докладе, уважаемая Юлия Александровна, прозвучали незнакомые мне словосочетания и тезисы, из них составленные. Что означают, например, ценности-мотиваторы категориального человека в соответствии с предъявленными требованиями? Кем предъявляются требования? Какие требования? Или следующий тезис: добро отражается в соответствии с высшей категориальной человеческой назначенностью. Кто назначил и кого? Откуда? В чем это назначение состоит и как проявляется?

Далее. По Вашему мнению, нравственность есть мера приближения человека к своему категориальному. Что это — «свое категориальное»? Я зашел в Интернет: категориальное состояние — часть речи, главный член односложного безличного предложения типа «он плохо читает, ему грустно».

Прошу объяснить предлагаемые Вами понятия, потому что их нет в доступной мне научной и художественной литературе. Если это Ваша новация, то, будьте добры, аргументируйте и заодно поясните, что она добавляет в сокровищницу науки и какие новые грани действительности акцентирует?

Ответ (Ю.А. Сафонова):

Под категориальным человеком в работе понимается человек, в котором в максимальной степени выражены все сущностные признаки человечества, — своего рода идеал человека. Что же касается требований, упомянутых Вами, то в докладе говорилось не о требованиях к категориальному человеку, а о требованиях, предъявляемых нами, как исследователями, к тем признакам, которыми мы наделяем категориального человека. Повторю, эти требования были сведены нами к двум основным:

- они должны максимально отличать человека от животных как с точки зрения его сознания, так и с точки зрения его деятельности;
- они должны увеличивать его жизнеспособность по сравнению с предшествующими формами жизни.

Выделение нами именно этих, а не иных условий для формирования перечня признаков вытекает в свою очередь из теоретико-методологического раскрытия понятий «добро», «зло», «человек», о чем, собственно, и говорилось в докладе.

Вопрос (П.М. Кудюкин):

Мой первый вопрос адресован обоим докладчикам. Понимаете ли вы зло субстанционально, как самостоятельную сущность, либо негативно, как отсутствие добра? Вы действуете в манихейско-гностической традиции или христианской?

Теперь вопрос к Юлии Александровне. Вы определили зло как *сознательное* стремление человека. А если человек бессознательно стремится к тому же? Как в этом случае?

Ответ (С.И. Реснянский):

Безусловно, мы действуем в православной традиции.

Что касается вопроса о субстанциональности зла, то, согласно христианской традиции, зло не субстанционально, не второе, темное негативное начало мира. Оно не обладает самостоятельным онтологическим статусом. Его нет как сущности, оно есть как существование. У зла не субстанциональная, а всего лишь экзистенциальная природа.

Ответ (Ю.А. Сафонова):

На мой взгляд, зло имеет двухчастную природу. С одной стороны, оно может быть, как Вы говорите, субстанционально, и в этом случае представляет собой сознательный выбор человеком антиценностей в качестве мотиваторов своей деятельности. С другой стороны, зло в своей биологической ипостаси, является ни чем иным, как отсутствием добра, т. е. отказом человека от стремления к категориальным человеческим ценностям.

Что же касается бессознательного выбора, осуществляемого человеком в пользу добра или зла, то, на мой взгляд, для человека, как сущности, такой выбор стоять не может. Сознание является сущностным признаком человека, и там, где нет сознания, нет и человека, а значит отсутствуют категории добра и зла. Это в теории. На практике же можно рассмотреть такой

пример. Маленький ребенок, играя со спичками, устраивает пожар. Этот ребенок не зол, и не добр, потому что не знает, к каким последствиям приведет его игра с огнем, и действует бессознательно. В то же время его родитель определенно зол, так как оставив спички в доступном ребенку месте, он поступил неблагоразумно и легкомысленно. А легкомыслие есть полюс биологического зла.

Вопрос (Т.А. Чикаева):

У меня вопрос к обоим докладчикам — очень простой, но очень важный. Вы определяете схему как «Что такое добро и зло, каково его воплощение в современных центрах развития мира?». Хотелось бы знать, какие вы выделяете центры развития мира? И есть ли принципиальные различия в воплощении добра и зла в этих центрах.

Ответ (С.И. Реснянский):

Я уже пытался ответить на этот вопрос. С точки зрения человеческого разума как такового, исходя из позитивистских концепций, проблема добра и зла и его конкретного воплощения — это очень относительное явление, очень сложно определяемое. С точки зрения православных духовных ценностей, анализ какого-либо явления в современном мире зависит от того, какие духовные приоритеты вы выдвигаете в качестве оценки. Лично я вижу зло в современном искусстве, СМИ, западных секулярных материальных ценностях, если их абсолютизировать.

Ответ (Ю.А. Сафонова):

В начале своего выступления я указывала на то, что мое исследование не закончено, и на данный момент я лишь планирую перейти к анализу воплощений добра и зла в мире. На сегодня мне удалось сформировать только предварительный список воплощений, который был представлен на одном из слайдов. Что же касается центров развития мира, то, согласно результатам исследования, проведенного в Центре проблемного анализа, таковыми можно считать восемь цивилизаций, существующих сегодня в мире.

Вопрос (С.С. Оганесян):

У меня очень конкретный вопрос. Болезнь человека — это добро или зло? Если бы не болезни, не развивалась бы медицина и все сопредельные с ней науки. Как вы считаете, это добро или зло?

И второй вопрос: в чем назначенность (или предназначенность) человека? Это базовое определение, которое вы дали.

Ответ (С.И. Реснянский):

Я опять же в христианской концепции отвечаю: «Господь посетил меня болезнью». В принципе, болезнь — это отсутствие или утрата цельности человека в той или иной мере. Болезнь как таковая способствует пониманию этой утраты цельности. Я считаю, что это добро, т. е. это зло, попускаемое Богом, стимулирующее добро.

Что касается второго вопроса, то назначение человека в этом мире заключается в том, чтобы восстановить утраченное во время грехопадения Богообщение.

Ответ (Ю.А. Сафонова):

Назначенность человека в том, чтобы стать человеком. Ведь, как я уже говорила, человеком не рождаются, а становятся.

Вопрос (Д.А. Лебедев):

Вопрос к Юлии Александровне. В связи с упоминанием детей-Маугли, как бы Вы отнеслись к такому утверждению: человек таков, какова его среда развития? Если среда развития у него совершенная, с точки зрения гуманизма, значит он будет добрый, разумный и т. д.

Ответ (Ю.А. Сафонова):

Я думаю, что среда развития — это очень важный фактор для становления личности. В этом отношении особую значимость приобретает научная работа по проектированию нравственного государства, которая сегодня ведется в Центре проблемного анализа. Практическое воплощение этой новой модели государства, на мой взгляд, серьезно облегчит индивидуальный путь к добру для всех его граждан.

В то же время, я не могу сказать, что среда является единственным или даже ключевым фактором. Очень существенна роль индивидуальных усилий и сознательных намерений человека. Есть множество примеров, когда в одной семье кто-то из детей, повзрослев, становится преступником, а в другой — священником.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

У меня несколько очень коротких вопросов.

Как мне известно, вы собираетесь создать (или уже создали) такой алгоритм или, может быть, даже прибор, измеряющий количество добра и зла в человеке. Доброметр. Замечу, что в Америке были такие попытки. Они научно установили, что Россия — это империя зла. Кроме того, как по-вашему, профессор Воланд — это добро или зло? Сколько в нем добра и сколько зла?

Ответ (Ю.А. Сафонова):

Вы правы, множество современных американских ученых действительно трудится над созданием алгоритмов, позволяющих измерить добро и зло. Есть даже целое направление в этике — практическая этика (между прочим, очень популярное сегодня на Западе), для которого решение данной проблемы является главной целью исследований и экспериментов. Однако упомянутая Вами «империя зла» — все же продукт не этой дисциплины, а холодной войны между СССР и США, которая велась несколько иными методами и средствами. Что же касается наших попыток измерить добро и зло, то они действительно имели место быть — в частности, в работе Центра о цивилизационном подходе. В ней на основании социологических замеров по базе World values и экспертной оценки строились так называемые «цивилизационные матрицы», которые наглядно демонстрируют выраженность тех или иных категориально-человеческих ценностей-мотиваторов для каждой из цивилизаций, а также изменение этих показателей с течением времени.

Ответ (С.И. Реснянский):

По поводу Воланда. Я считаю его воплощением зла.

Вопрос (Ю.А. Сафонова):

Сергей Иванович, Вы в своем докладе говорите о том, что любые ценности могут быть как добрыми, так и злыми — в зависимости от внутреннего мира человека. Пожалуйста, не могли бы Вы это пояснить? И каковы, в таком случае, Ваши критерии добра и зла?

Ответ (С.И. Реснянский):

Действительно, любые ценности могут быть как добрыми, так и злыми — в зависимости от того, какие приоритеты доминируют в вашем внутреннем мире.

Что касается второго вопроса, то критериями добра и зла является, на мой взгляд, способность человека следовать или не следовать по пути реализации или игнорирования христианских ценностей.

Вопрос (Н.В. Асонов):

У меня по одному вопросу к каждому из выступавших. Сергей Иванович, какова, с Вашей точки зрения, перспектива противостояния добра и зла? (Этот вопрос я задаю уже как политолог).

Ответ (С.И. Реснянский):

Если я стою на точке зрения христианства, то в конце истории победит зло. Но, в конечном итоге, через второе пришествие Христа, по истечении трех лет существования Антихриста, восторжествует добро. Но оно восторжествует, но уже не в этом мире, а будут новое небо и новая земля.

Вопрос (Н.В. Асонов):

Вопрос Юлии Александровне. Как Вы полагаете, к какому политическому учению ближе всего стоит Ваш доклад и почему?

Ответ (Ю.А. Сафонова):

Честно говоря, мне трудно соотнести свое исследование с какими-либо политическими теориями. Думаю, что проблема раскрытия категорий добра и зла находится уровнем выше, нежели вопрос о ценностях и целях в политике, а также методах их

достижения. Мне кажется, что с позиции выявленного мною критерия добра и зла можно судить о том, воплощением скорее добра или скорее зла являются конкретные политические учения. В этом смысле я надеюсь остаться объективной, вне любых политических учений.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Демократия или тоталитаризм — для Вас все равно?

Ответ (Ю.А. Сафонова):

Это не значит, что мне все равно. Я ратую лишь за объективную научную, а не эмоциональную оценку этих явлений.

Вопрос (С.А. Кравченко):

Я с уважением отношусь к вере, к христианству. Тем не менее, у меня вопрос: есть ли для Вас разница между религиозной истиной добра и научной истиной добра? Я услышал очень много ссылок на религиозных деятелей и ни одной — на научных авторитетов. А ведь очень многие умы занимались этой проблемой...

Ответ (С.И. Реснянский):

Я считаю, что наука имеет дело только с естественно-природными причинами, а это ограничивает, на мой взгляд, понимание природы добра и зла в мире. Я считаю, что эти вопросы коренятся не только и не столько в природном бытии человека, а прежде всего в ноуменальном мире.

Вопрос (С.А. Кравченко):

Юлия Александровна, Вы в самом начале обещали дать критерии добра. Будьте любезны... И здесь же: на какие методологии Вы опираетесь? Или это лично Ваши рассуждения: «я так думаю и дело с концом...». Разве никаких предшественников до Вас не было и этой проблемой никто не занимался?

Ответ (Ю.А. Сафонова):

В своем докладе я достаточно подробно раскрыла вопрос о критерии, а также коснулась проблемы научной дискуссии на

тему добра и зла. Как я указала, в рамках этой дискуссии мой подход стоит ближе всего к позициям этических объективистов. Что же касается методологии определения критерия добра и зла, то в работе применялись два основных метода: аксиоматическое номинирование ценностей-мотиваторов и историко-сравнительный анализ текстов Священных Писаний и этических школ.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

У меня два вопроса. Первый вопрос — эдакий макиавелиевский вызов. Вот сослались на то, что Америка — зло. А насколько политически воплощаемо добро? Есть ли примеры такого политического воплощения? Насколько это реализуемо? Не будет ли это в действительности торжеством зла, поскольку, на первый взгляд, эта парадигма обрекается на поражение?

Второй вопрос: одна точка — это биологический человек (но абсолютно биологического человека не бывает); другая точка — это идеальный человек (но абсолютно идеального человека тоже нет). Значит, вопрос о мере. А может ли быть добро на 70%? На 80%? Где начало? С 50% отсчитывать добро? С какой меры? А если так, то вообще существует ли добро, если оно не абсолютно?

Ответ (С.И. Реснянский):

С первым вопросом я согласен. Невозможно понять в политике проблему добра и зла. Обязательно будут лицемерие, обязательно PR... Сущностное понимание, чего хочет политик, никогда нельзя было познать. «Слова нужны для того, чтобы скрывать свои мысли». Это сказал Талейран. И этим всемерно пользуются политики всех мастей. Абсолютное добро — это любовь, а она, как известно, в мире существует. Что же касается дозировки добра, то это, по моему, сущая глупость.

Ответ (Ю.А. Сафонова):

Я начну с первого вопроса — о политических воплощениях добра и зла. Действительно это очень сложная проблема, с которой, в силу незавершенности исследования, я пока столкнулась лишь в первом приближении. В частности, при формировании пред-

варительного списка исторических воплощений добра и зла, который показал, что, на первый взгляд, политических воплощений добра не так уж много.

Возьмем, к примеру, миротворчество. С точки зрения целей создания этого института, миротворчество, безусловно, воплощение добра. Однако на практике мы видим, что оно может привести и к легитимации агрессии, как это было, например, в Ливии. То есть существует такой феномен, как взаимопроникновение добра и зла или даже редукция добра по мере его практического воплощения. Однако подобные явления, на мой взгляд, — не приговор этому миру, а исходная точка для исследования на тему соотношения эффективности и добра в политике.

Далее. Абсолютное добро, безусловно, существует. И добро, и зло абсолютны по своей природе. Другое дело, что не существует абсолютно доброго человека (за исключением разве что Иисуса Христа). Но человек, добрый на 95%, или на 50%, или даже на 5%, уже является добрым (пусть даже в столь небольшой мере). «Отсчитывать добро», как Вы говорите, на мой взгляд, следует пусть даже с самого малого добра в действиях или помыслах.

С.И. Реснянский:

Я считаю, что добро — абсолютно, зло — относительно. Его носитель — сатана, который сам является обезьяной Бога, по определению Иоанна Златоуста.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Мой вопрос носит методологический характер и адресован он обоим докладчикам. Можно ли сформулировать один, два, три принципа дискуссии — религиозно-богословской и научной, — которые разделяют два этих интеллектуальных жанра? Вопрос, естественно, возник потому, что наша дискуссия оказалась очень совмещенной; и хочется понять, где одно, а где другое. Это исключительно методологический или даже методический вопрос. Повторю: можно ли сформулировать несколько методических принципов, которые разводят два жанра — религиозно-богословско-догматическую дискуссию и дискуссию научную, секулярную?

Ответ (Ю.А. Сафонова):

Мне кажется, принцип один, и он вполне очевиден — это принцип доказательности истины. Если в религиозно-богословской дискуссии основные аргументы в конечном счете сводятся к вере («это так, потому что я в это верю»), то в научных дебатах базой являются факты («это так, потому что я это достоверно вычислил и доказал»).

Ответ (С.И. Реснянский):

Я с этим согласен, но только с одним условием: наука в силу своей земной природы ограничена в понимании, что такое добро и зло. Они в большей мере метафизичны. В этой связи, на мой взгляд, необходим союз науки и религии в исследовательском приближении в понимании проблемы добра и зла.

С.С. Сулакшин:

Спасибо. Хотя прозвучало почти как приговор нашему семинару и нашей дальнейшей дискуссии, но, надеюсь, что это одна из дискуссионных позиций.

Интегральная интерпретация Добра

С.А. Кравченко, доктор философских наук

Уважаемые коллеги, сделанные доклады, как мне представляется, в значительной степени опираются на знание религиозное. Оно имеет самостоятельную значимость как результат познавательной деятельности человека, его представлений о мире, обществе, человеке, о Добре и Зле. Вместе с тем есть поле религиозное, и есть поле научное. Они, конечно, взаимодействуют и пересекаются, но вера не требует доказательства. В свое время академик П.В. Симонов верно заметил: «Наука опирается на принципы *презумпции доказанного*... Все остальное принадлежит царству веры, а верить можно во что угодно, поскольку свобода совести гарантируется законом»¹.

Цель нашего научного семинара, как мне видится, — опираться на объективность, презумпцию доказанного, на веберовский принцип «свободы от оценки», который положен в основу современных социальных наук. Наука также предполагает, что мы должны учесть и критически использовать достижения гигантов мысли, которые что-то уже сделали до нас.

Хотел бы кратко остановиться на том, чем занималась и занимается социология в плане выработки теоретико-методологического инструментария анализа этических реалий, в частности, Добра и Зла.

Начну с К. Маркса, с того, как он, в общих чертах, понимал Добро и Зло. Для него Добро — это социальные условия, дающие человеку возможность им быть: активно познавать и преобразовывать мир в контексте достижения социальной креативности, эмансипации, ликвидации эксплуатации человека человеком.

¹ Симонов П.В. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Мозг, эмоции, потребности, поведение. М.: Наука, 2004. С. 396.

Быть креативным человеком — значит творить себя и общество, основанное на гуманных, собственно человеческих отношениях. Если этих условий нет, то возникает Зло, в концентрированной форме проявившей себя при капитализме ситуация отчуждения человека от человека и от природы. По существу, весь марксизм направлен на утверждения гуманистически ориентированной креативности — производство не просто капитала (определенные социально-экономические отношения, предполагающие эксплуатацию), а Капитала Человеческого.

Еще один выдающийся социолог и психолог, который занимался проблематикой Добра, был Зигмунд Фрейд. По его мнению, «вера в “доброту” человеческой природы является одной из самых худших иллюзий». До него социальные теоретики, включая К. Маркса, считали, что человек добрый сам по себе (на этом постулате основывались все утопии и представления о коммунизме); теологи же полагали, что человеческая доброта дана от Бога. Фрейд выделил в структуре личности индивида три компонента: «Оно», «Я», «Сверх-Я», соответственно, раскрыв соотношение сознательного и бессознательного в деятельности человека, а также роль инстинктов, неизбежно проявляющихся в деструктивности. Их можно культурно минимизировать, но не ликвидировать.

Фрейд также подверг критике распространенный постулат о том, что религия — основной фактор производства Добра и Любви. Каждая религия, писал он, хотя она и называет себя религией любви, является жесткой и черствой к тем, кто к ней не принадлежит: «В сущности, ведь каждая религия является такой религией любви по отношению ко всем, к ней принадлежащим, и каждая религия склонна быть жестокой и нетерпимой к тем, кто к ней не принадлежит»².

Следующий великий социолог, который занимался проблематикой Добра, это наш соотечественник — Питирим Александрович Сорокин. По его мнению, среди всех смысловых ценностей культурного мира есть одна высшая интегральная ценность — единство Истины, Красоты и Добра. Человек весьма преуспел в добыче истины и в создании шедевров красоты. Однако за последние четыре

² Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // З. Фрейд. Психоналитические этюды. Минск: ООО «Попурри», 1997. С. 445.

столетия, как считает социолог, творчество в области Добра резко отстало: не удалось обосновать эффективные пути и средства для морального возвышения, для контроля своих бессознательных инстинктов и чувственных вожделений, связанных с погоней за материальным благополучием, властью и наслаждениями. Добро в виде неэгоистической творческой любви, утверждает Сорокин, может преобразовать враждебные отношения в дружеские, оказать воздействие на международную политику и умиротворить конфликты.

По мнению Сорокина, известные до сих пор формы правления, будь то в Америке или России, не принимали в расчет Доброту, энергию неэгоистической любви, и потому «демократические режимы были почти столь же воинственными, неустойчивыми, как и авторитарные режимы, и имели такой же высокий уровень преступности»³.

При осуществлении той или иной политики в России никогда не ставился вопрос о Доброте. Из-за умаления и забвения фактора Доброты, сугубо прагматического подхода к политическим преобразованиям в стране никак не может сложиться механизм согласования многообразных интересов.

В докладе поднимался вопрос о проблематике Добра в контексте катастроф, болезней и т. д. По моему мнению, это реалии, которые не имеют прямого отношения к этической сфере, но они позволяют нам, хотя и опосредовано, глубже понять природу Добра и Зла. По Сорокину, подобные бедствия имеют «великое обучающее значение». Несомненно, они несут зло для конкретных людей. Однако именно гуманистически направленная креативность человека может преобразовать последствия Зла в Добро — например, создание новых защит от бедствий, целебных вакцин и т. д.

Следующий выдающийся авторитет — это Т. Парсонс. Он очень любил универсалии — и социальные, и культурные, и эволюционные, которые вошли во все социологические учебники. Но даже такой гигант мысли не включил Добро ни в одну систему универсалий, очевидно исходя из того, что Добро весьма относительно во времени и культурном пространстве. Не может быть Добро одинаковым по природе — и в современном сложном обществе, и в об-

³ Сорокин П. Таинственная энергия любви. Социс, 1991. № 8. С. 121.

шестве индустриальном. На мой взгляд, бесперспективны сами попытки обоснования универсального подхода к трактовке Добра.

Современный американский социолог Дж. Александер рассматривает Добро и Зло не как реально существующий социальный факт (по К. Марксу), а нечто, имеющее статус добра или зла, как результат их *кодирования, означения* через призму определенных культурных ценностей и норм. «Для того, чтобы травматическое событие обрело статус зла, необходимо его *становление* злом, — пишет он. — Это вопрос того, как травма входит в знание, как она кодируется»⁴. Изначально означение осуществляется с помощью бинарной оппозиции, представляющей отношения в социально и культурно сконструированных системах, в которых каждый знак обретает свой смысл только в контексте со знаком, находящимся к нему в оппозиции (добро — зло; демократический либерализм — демократическая репрессия, священное — вульгарное и т. д.). Далее может осуществляться перекодирование смысла Зла или, напротив, Добра по спирали означения: к их интерпретации могут подключаться самые разные социальные авторитеты, которые могут существенно изменять смысл произошедших событий.

С моей точки зрения, современные интерпретации Добра и Зла должны осуществляться в контексте современного сложного социума. Поэтому подход к их трактовке должен быть интегральным. Я бы в первую очередь выделил подходы, предложенные К. Марксом, З. Фрейдом, П. Сорокиным. К ним я бы добавил еще три дополнительно, исходя из того, что мы вступили в сложное общество.

Первое. Я исхожу из того, что должна выкристаллизовываться космополитическая этика взаимодействия народов и культур, предполагающая, что функциональность определенных реалий может рассматриваться как Добро для всех. Если где-то возникает дисфункциональность, означенная мировым сообществом как Зло, это будет зло для всех.

Второе. Современное Добро включает в себя биоэтику. Это значит, что Добро выходит за рамки социума, добро распространяется и на социум, и на природу. Человек всегда стоял над природой, по существу сформировал принцип антропоцентризма,

⁴ Alexander, Jeffrey C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003. P. 31, 32.

который необходимо преодолеть. Сегодня мы подошли к такому моменту, когда дальнейшее функционирование человека не может быть эффективным без биоэтики.

И, наконец, третье — отношение к научным инновациям. Они всегда имеют амбивалентность, они не могут рассматриваться по-прежнему линейно: только как простое добро или однозначно трактуемое зло. Все научные инновации, если мы на них посмотрим с позиций сложного социума, имеют латентный компонент зла, ненамеренные, непредвиденные реалии зла. Поэтому сегодня как никогда все ученые-физики, биологи и, конечно, обществоведы должны учитывать в своей креативности компоненты «не навреди» и ее гуманистическую ориентацию.

Добро и зло: вопрос религии, философии, науки?

П.М. Кудюкин

Тема действительно чрезвычайно важная. Я думаю, что она важна не столько как теоретическая, сколько как практическая. Хотя у практических размышлений и практического применения категорий добра и зла должна быть теоретическая основа.

Я не буду спорить с Сергеем Ивановичем. По вопросам веры спорить бесполезно. Единственно о чем хотелось бы сказать, это спорное, на мой взгляд, отнесение Апокалипсиса к Аду. Напоминаю, что Апокалипсис — это некий переход к новой земле и новому миру, конец этого греховного тварного мира и рождение иного, неизвестного нам мира, «нового неба и новой земли». И лично мне хотелось бы верить (вслед за Н. Лесковым), что после Страшного суда неизъяснимой милостью Божией все осужденные грешники будут помилованы.

Теперь перейду к более рационалистической точке зрения и одновременно более практической. Это проблема социальной философии, проблема этики. В значительной степени это проблема социологии, о чем сегодня уже говорилось. Это проблема неких практических, аксиологических критериев для действий в нашем практическом и несовершенном мире. Религиозный подход в чем-то проще, потому что можно сказать, вслед за Иисусом (такое напи-

сание принято у староверов — *Ред.*) Христом: «Царство еще Мое не от мира сего», и от этого мира уйти. Вопрос, конечно: не будет ли это умыванием рук подобно Понтию Пилату? А вот если я хочу изменить этот мир с тем, чтобы увеличить в нем уровень добра? Как я должен действовать, прекрасно зная из истории, что есть гигантская проблема? Вот я начинаю бороться за добро. Но, как цитировал Григорий Соломонович Померанц в одной из своих работ, «дьявол начинается из пены на губах ангела». Вы, Юлия Александровна, приводите в образцах воплощенного или частично воплощенного добра советский социализм и китайский коммунизм (мне, правда, не очень понятно, почему Вы называете их разными именами). А ведь это типичные примеры, когда люди, пытаясь воплотить некую идеальную модель (Маркс, например, исходит из идей добра, самореализации, самотворчества человека), получают на практике ГУЛАГ, коллективизацию, «Великую пролетарскую культурную революцию», Павликов Морозовых в качестве образца для детей и т. д.

С моей точки зрения, здесь есть еще одна очень важная теоретическая проблема. Она хоть и теоретическая, но решается только в практическом поведении, очень индивидуально. С одной стороны, крайне опасно релятивизировать добро и зло. Ну, в духе рассуждений, что нет никакого добра и зла, все относительно, поэтому нечто в одном отношении — добро, в другом — зло и т. д. Критерии размываются, и появляется риск оказаться по ту сторону добра и зла, и тому и другому «внимая равнодушно». С другой стороны, не менее опасна и абсолютизация — реализовать добро *любой* ценой, уничтожить всех, кто против добра (понимаемого кем-то как добро). Добро ли то, что добывается путем уничтожения оппонентов? Я бы здесь отослал к замечательному, как мне кажется, эссе Лешека Колаковского «Похвала непоследовательности», написанного им в период расставания со своим марксистским «ревизионизмом». Он там очень убедительно (не столько философски, сколько по-человечески) показывает, что для того чтобы сохранить приверженность добру, нельзя за него держаться фанатично. Надо все время помнить о несовершенстве любого человека, что при наличии неких абсолютных критериев каждый конкретный человек вряд ли может претендовать на то, что именно он ими владеет. Нужны постоянные сомнения. Необходимо сомневаться: правильно ли я понимаю, что

есть добро, в своей практической деятельности? Не буду ли я породить своей деятельностью во имя добра еще большее зло, чем то, что хочу уничтожить? Как человек, занимавшийся и занимающийся практической политикой, я стараюсь об этом постоянно помнить.

Возвращаясь к нашим докладчикам. Наверное, вопросы о добре и зле не решаемы и путем сциентистски-натуралистического подхода. Хотя и полностью отказываться от них не стоит. Ведь еще П.А. Кропоткин показал, что такие чисто человеческие качества (составная часть добра), как взаимопомощь и солидарность рождаются еще в дочеловеческой природе. И современная этология это подтверждает. Специалисты по антропогенезу все более убежденно говорят, что становление вида *homo sapiens* было неразрывно связано со становлением морали — она оказывалась фактором лучшего выживания. И здесь можно дать частичное определение добра: это то, что способствует выживанию человека как вида и развитию его как родового, общественного существа. Зло — то, что действует в противоположном направлении.

Напоследок хотелось бы обратить внимание на опасность мифологизации при практических выводах из мировоззренческих посылок. Здесь, уж извините, предельно мифологизировали Запад как эдакое царство мамоны, бездуховности и т. п. А я напомним, что именно Запад дал в большей мере, чем любая другая часть современного мира, такие вещи, как постматериальные ценности, дауншифтинг, т. е. как раз отрицание тех начал, которые Вы считаете полностью победившими там.

Понятия добра и зла в Священных Писаниях

С.С. Оганесян, доктор педагогических наук

Я впервые на вашем семинаре. Хочу высказать большое удовлетворение тем, что здесь слышу и вижу. Потому что у вас на семинаре происходит то, что раньше называлось «мозговым штурмом». Это замечательно.

Мне очень понравились оба доклада. Они заставляют думать и вызывают очень много вопросов. А для науки, как мы знаем, это имеет первостепенное значение.

Мне приятно, что очень много было цитат из Библии. Я, как человек, который последние 20 лет занимается сравнительно-сопоставительным изучением Торы, Нового Завета и Корана, могу сказать следующее. Очень четко понятие *добра* и *зла* было сформулировано в Торе (в Ветхом Завете). Там сказано, что на горе Сион (Синай) Моисей получил от Бога четкое различие «добра и зла». В частности, Единым Богом было сказано Моисею: «Смотри, предложил Я тебе сегодня **жизнь, и добро, и смерть, и зло**. Ибо заповедую Я тебе сегодня любить Бога, Всесильного твоего, идти путями Его, и соблюдать заповеди Его, и установления Его, и законы Его, **чтобы жил ты и размножился**. (Дварим 30 Ницавим,15,16). Таким образом, соблюдение заповедей, законов и установлений Единого Бога — это добро и жизнь. Несоблюдение — зло и смерть. Причем здесь не только выделяется чисто юридический аспект, хотя «Закон Моисея» и основы того правопорядка, и шире — мировосприятия, которые были изложены в Торе, до сих пор существуют. Мы с вами прекрасно знаем, что именно они составляют основу того понятия, которое сегодня называется общечеловеческими ценностями и до недавнего времени составляли содержательную основу таких понятий, как мораль и нравственность. Почему? Потому что до этого языческое мировосприятие, хотя и было весьма разнообразным, но в нем добром считалось то, что выгодно лично человеку, его родственникам по крови, клану или племени. При этом существовала абсолютная толерантность к чужим богам, чужому мировосприятию, чужим нормам и правилам общежития. Если у соседнего рода свой бог, то язычник спокойно мог поклониться и ему: а вдруг и он принесет какую-либо пользу? И это не считалось злом. Такова была внушаемая природа человека.

Единый Бог, которого проповедовали Тора, Новый Завет и Коран, принципиально изменил ситуацию. Добром в них стало считаться исключительно соблюдение данных в них норм и правил поведения. Грехом или злом — неисполнение заповедей, законов и установлений, изложенных в Писаниях. Добро, согласно названным Писаниям, способствует утверждению жизни, а зло — ее разрушению.

Я сделаю здесь небольшое отступление. Н.П. Бехтерева, ныне покойная, пришла к заключению, что до недавнего времени у человека в голове существовала своеобразная нравственная «матрица-ограда»,

через которую он воспринимал все события, происходящие в окружающем мире. Когда ему внушали в детстве, что вот это — добро, а это — зло, то уже во взрослом состоянии происходило то, что мы называем самообразованием: совершил нечто, выходящее за пределы добра, и начинаются негативные психо-эмоциональные процессы внутри человека, разрушающие его организм. Но одновременно Н.П. Бехтерева пришла к выводу, что у современных людей эта «матрица-ограда» постепенно исчезает. Почему это происходит — я готов специально изложить на вашем семинаре, когда сочтете возможным.

Сегодня было сказано о научном подходе. Но ведь мы с вами прекрасно знаем, что существуют научные подходы и к религиям, к религиозному мировосприятию. Этого нельзя отрицать. Наш выдающийся ученый В.И. Вернадский, вслед за Г.Ф. Гегелем, говорил, что существуют научное познание мира, религиозное познание мира и познание мира через искусство. Они не противоречат друг другу, а наоборот совмещаются у человечества в единой картине мира.

Далее. Когда у нас отдельно и специально выделяется христианское мировосприятие, я считаю это абсолютно неправильным. Прошу прощения, но я это считаю итогом своеобразного религиозного невежества, которое внедрялось в сознание людей на протяжении всего существования христианства как вероучения. Иначе и быть не могло, поскольку христианство со всеми его течениями, как и все прочие религиозные воззрения, — обслуживали и обслуживают государственные интересы со всеми вытекающими отсюда последствиями и претензиями на истину в последней инстанции.

Недавно у нас в Общественной палате состоялся круглый стол по религиозному экстремизму. И один из участников заявил, что существует исламский экстремизм. Мне пришлось его поправить и сказать, что Коран понимает под мусульманами не только тех, кто придерживается вероустава, ниспосланного через Мухаммеда, но также христиан и иудеев. Кто имеется в виду? Все сразу? Или сугубо определенный «вероустав» — иудейский, христианский или магометанский?

Тора, Новый Завет и Коран имеют единый духовный и содержательный фундамент. Расхождения обусловлены лишь временем ниспослания Посланий и теми цивилизационными задачами, которые каждый из них предназначен был решать.

Сегодня говорилось о том, что в объективной природе не существует ни добра, ни зла. Но человек не может воспринимать природу вне себя. Об этом говорили и говорят не только многие философы древности и современности, но это проповедовал и Будда, считая ощущаемый человеком мир иллюзорным. Объективный мир бесконечен, на каждом этапе свой инструментарий познания, свои цели познания и, естественно, свои критерии добра и зла. Язычник, например, мог совершенно спокойно просить своего бога, чтобы он завтра даровал ему удачу на то, чтобы съесть — в прямом смысле этого слова — вождя соседнего племени. Единобожие тем и отличается от язычества, что в нем даны четкие критерии добра и зла вне зависимости от этнических, возрастных, половых, имущественных, социально-иерархических и прочих различий. Перед ниспосланным Богом законом равны все. Если человек соблюдает, ниспосланные нормы и правила поведения — это добро, а если нет — то зло. У Единого Бога приверженцем зла может оказаться не только отдельный человек или род, но и целый народ. Мы с вами прекрасно знаем, что по древнеримскому праву, если народ принял закон, то он его и отметить может. Народ всегда прав, и принятые им нормы законодательства всегда нравственны. Нравственно то, что законно. А вот понятие добра и зла в единобожии было сформулировано таким образом, что они находятся исключительно в компетенции Бога, а не человека. Если закон дан Богом, то лишь Он имеет право отменить его. Если критерии добра даны Им, то лишь Он вправе изменить их. Он единый управляет всем и Сам устанавливает законы, которым обязаны подчиняться все. Винаватым перед Богом может оказаться и отдельный человек, и целый народ, и множество народов, если они не соблюдают данных им законов. Причем в Писаниях сообщено то чрезвычайно важное, о чем сегодня на семинаре, к сожалению, не было сказано, — это целеполагание, свойственное человеку как Богоподобному существу. А самое главное — должна быть указана *цель существования человечества*, а также стратегический путь его развития. Когда цель существования людей указана, то критерии добра и зла выстраиваются в определенную систему. Почему? Потому что, если мы знаем цель и перспективы развития людей, то именно с этой точки зрения можем говорить, что хорошо для

человека, а что плохо, что добро для него, а что зло. Например, болезнь человека, с точки зрения Писаний, это явление, которое для конкретного человека — страдание и мучение, а для человечества — необходимость и, в конечном итоге, благо. Поскольку, например, благодаря болезням развиваются медицина, биология, физиология, фармацевтика, химия и биохимия, техника и другие сферы человеческого познания и жизнедеятельности. Занимаясь поиском эффективных методов и способов лечения болезней, человек развивается интеллектуально, тем самым продвигая все человечество на новые ступени его цивилизационного развития.

Мы с вами прекрасно знаем, что после эпохи единобожия наступила эпоха Просвещения (Гуманизма), где именно человеческий разум стал важнейшим инструментом познания мира, и человечество стало переходить к ментальной эпохе (цивилизации) научного познания и самоуправления своей жизнедеятельностью.

В завершение скажу, что основы научного познания мира были заложены именно единобожием. Отнюдь не случайно Иисус оставил только заповеди, но ни одного конкретного закона. Это дало возможность всем народам, принявшим христианство, развивать свои интеллектуальные возможности как в юридической, так и во всех остальных сферах жизнедеятельности. Это, в свою очередь, стимулировало научное познание мира и появление множества самых различных научных дисциплин, которые ранее объединялись под понятиями философии и метафизики.

О возможности союза религии и науки на основании идентификации добра и зла

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Начну с апелляции к гностическому учению каинитов. Почему я к нему обращаюсь, станет ясно из дальнейшего изложения.

Каинитская система, как известно, переворачивала всю христианскую модель добра и зла с ног на голову. Демиург становился олицетворением зла, Люцифер — добра.

Теперь непосредственно к докладам.

Основная мысль, которая была обозначена в обоих выступлениях, состояла в решении проблемы универсальности категорий добра и зла. Оба докладчика сходятся в той оценке, что категории добра и зла рассмотрены как универсальные. Состоялся, по сути дела, замечательный эксперимент. Один доклад выстраивался на религиозной платформе, другой — на основе традиции научного познания. Но авторы, пришли к одному и тому же выводу. О чем это говорит? Прежде всего о том, что принципиально непреодолимой дистанции между обеими познавательными системами не существует. А сходность же полученных выводов свидетельствует о правильности обоих номинированных подходов.

Рассмотрение категорий добра и зла предполагает вопросы: по отношению к чему — добро, и по отношению к чему — зло? Позиция первого доклада: добро по отношению к Богу. Позиция второго доклада — к человеку. Но к человеку, понимаемому в категориальном смысле. А что собой представляет человек в категориальном смысле? Это идеальный человек. А идеальный человек — дается соответствующее образное представление — это Иисус Христос. Но не то же ли самое заявляется в первом докладе? Позиции снова сходятся.

Оба докладчика говорят о возможности универсального добра. Добро может быть воплощаемо целевым образом. Именно из представлений о возможности вселенской адресации добра выстраивалась исторически Российская империя.

Но существует и другой подход. По отношению к нему заочно оппонируют оба доклада. Добро — по отношению к кому, к чему? Для оппонирующего периода речь идет уже не о добре по отношению к Богу или к категориальному человеку, а ко мне, или к нам как к некоей противоположности им. Добро в рамках этой парадигмы оказывается субъектно относительно. Добра для всех быть не может. Мир так устроен: хищник съедает жертву. Для хищника — это добро, для жертвы — зло. То, что добро для тебя, — зло для другого. Если побеждает один, то проигрывает другой. Это принципиально другая миростроительская модель. И именно этот подход исторически реализовывался в западной культуре, в западной идеологии. В соответствии с этим подхо-

дом меняется и отношение к ценностям. Ценность труда. Но как быть, если на одно рабочее место претендуют многие? Ценность коллективизма. Но как быть, если вступают в борьбу друг с другом разные коллективы? Ценность инновационности. Но как быть, если действует конкуренция инновационных технологий и товаров?

Соответственно, существует два проекта, которые мы обнаруживаем в реализации категории добра. Один проект получил наиболее полное выражение в рамках доктрины христианства. Нет ни эллина, ни иудея; не должно быть ни богатых, ни бедных. Бог — есть любовь. Соответственно, религиозное воплощение этого проекта — царство Божие. Это доктрина хилизма. Политически — конечно, со скидкой на несовершенство исторических форм — это идеология коммунизма.

Другой проект — языческий. В Средневековье, как латентная альтернатива, он выразился в модифицированном под христианские формы гностицизме. Есть те, кто будет спасен; а есть те, кто погибнет. Есть богоизбранные и богоотверженные. Есть успешные и неуспешные. Религиозное воплощение этого проекта — гностицизм, политическое — либерализм и далее — фашизм.

Для первого проекта зло — это то, что мешает наступлению царства Божия. Говоря языком одного из докладов — то, что препятствует реализации категориальной сущности человека. Для второго как раз наоборот — то, что мешает индивидуумной самореализации, подавляет «эго», уравнивает высших и низших.

Злом в итоге объявляется именно то, что оба докладчика позиционировали в качестве универсальной категории добра. Говорилось о том, что Америка сегодня есть политически воплощаемое зло. Но для альтернативного проекта, зло — это Россия. И борьба этих проектов, как мне представляется, составляет столбовую линию истории. Понимание существования данной мировой альтернативы приводит к осознанию представленных докладов с точки зрения контекста глобального идеологического противостояния. Совпадение выводов при различии познавательного инструментария говорит, по большому счету, о потенциальной возможности союза религии (традиционализма) и секулярной науки (модернизма) в борьбе против вселенского зла.

Добро и зло? Наука и религия могут найти общий язык

Д.Ш. Халидов, доктор политических наук, кандидат философских наук

Довольно трудно выступать по этой теме, потому что одновременно можно выступать и с позиции науки, научной реконструкции проблемы добра и зла, и с позиций монотеистической религиозной традиции. С другой стороны, как ученый, пытающийся рациональными способами, основываясь на научной методологии, разобраться в этих вопросах, я прихожу к выводу, что здесь нет принципиальной разницы и противоречий между научной реконструкцией проблемы *добра и зла* и подлинно религиозной, монотеистической традицией.

Проблемы соотношения абсолютности и относительности добра и зла были решены еще много тысячелетий назад. Если рассматривать с этих позиций, вся история человечества и есть наполнение реальным содержанием истины, открытой пророкам монотеистической традиции; а по мере усложнения жизни — дифференциация норм и ценностей находится в этих (традициях единобожия) пределах; т. е. в таком направлении, когда четко обозначается: это *абсолютная или относительная ценность*. Это не только законы Моисея, ниспосланные ему Богом. Речь идет о множестве пророков, бывших до пророка Моисея, о которых сказано и в Библии, и Коране.

Более того, чем больше я знакомлюсь с трудами концептуального традиционалиста Рене Генона и его последователей, с исламской философией и моралью, историей христианства и религии, и вообще — с новой интерпретацией истории религии, тем больше я прихожу к выводу: то, что человечеству навязывалось, начиная еще с эпохи Просвещения, как научная истина, есть по сути ложь или квазинаука. В чем суть? А в том, что нам со школьной скамьи внушали мысль об эпохе монотеизма (единобожья) как о последующем, близком нам по времени и «более совершенном» этапе в развитии религиозного мировоззрения человечества, а язычество преподносилось как предыстория человечества. В рамках такой ре-

конструкции иудаизм (в садукейской и фарисейской традиции) выступал как вершина развития религиозного сознания человечества, ибо преподносился как «единственный хранитель монотеистической традиции» и в силу признания другими монотеистическими традициями (в христианстве и исламе) множества еврейских пророков своими предтечами; следовательно — и абсолютной истины и морали⁵. Это абсолютно неверная, неадекватная реконструкция истории человечества и истории религиозного сознания человечества, ставшая, в частности, мейнстримом в научном сообществе с начала XIX в. Новейшие научные (археологические, социально-антропологические, этнологические) исследования показывают, что это далеко не так, и они (научные факты) в целом не укладываются в твердо укоренившиеся научные стереотипы.

Немного отклоняясь от главной темы, приведу только несколько примеров из серьезных исследований, не укладывающихся в господствующие взгляды.

Пример с фараоном Эхнатона, который предстает, согласно непредвзятому взгляду, не как правитель, а как пророк, вещающий о едином Боге и законах, исходящих от него, хорошо исследован в работах Зигмунда Фрейда «Этот человек Моисей» и Вейгала в книге «Жизнь и дни Эхнатона», да и в ряде других работ.

Первые попытки научного и философского обоснования идеи, противоречащего господствующим взглядам на историю религии, предпринимались еще в XIX в. — немецким ученым Фридрихом Шеллингом, (**«Философия откровения»**); немецким индологом Леопольдом Шредером («Сущность и начало религии»); русскими мыслителями-религиоведами — Владимиром Соловьевым («Мифологический процесс в древнем язычестве»), А. Иноземцевым («Единобожие как первоначальная форма религии»), В.Д. Кудрявцевым-Платоновым («О единобожии как первоначальном виде религии рода человеческого»). Выводы, к которым они пришли, совершенно противоречили модным по тем временам «научным» веяниям, тождественным новой форме религии — вере во всеисилие науки и ее методов. И, как показали эти иссле-

⁵ Иудаизм ессейской традиции, на современном этапе вытесненный в маргинальную нишу, выступает с позиций, очень близких исламу и евангельскому (фундаментальному) христианству.

дователи, опиравшиеся на синтетические методы анализа (науки и религии), *монотеизм* как вера в единого Творца был характерен для всех народов и предшествовал разным формам позднейших редукций в магию, фетишизм, многобожие.

В современный период к аналогичным выводам пришли — русский священник и ученый Александр Мень («История религии. Т. 1. Истоки религии. В поисках пути, истины и жизни») и Андрей Зубов в своей капитальной монографии «История религии». Из зарубежных исследователей известен австрийский ученый и католический священник в одном лице Вильгельм Шмидт, издавший свой знаменитый 12-томный труд «Истоки представлений о Боге». В. Шмит, как впрочем и другие перечисленные выше исследователи, доказывает, что первоначальной религией человечества был монотеизм, что за всем многообразием существующих верований, в том числе у самых отсталых народов, можно обнаружить остатки этой древнейшей веры в единого Бога-Творца. По мнению В. Шмидта и его последователей, прамонотеизм предшествовал всем формам религии, и лишь впоследствии к нему примешались различные тотемические, фетишистские, магические, анимистические и другие элементы. Таким образом иудаизм, христианство и ислам можно представить как возврат людей к изначальному монотеизму их далеких предков и как его своеобразное развитие.

Этнография не может доказать прамонотеизма; она лишь показывает, что вера в Единого Творца не есть продукт поздней истории, а присутствует на самых ранних стадиях духовного сознания. «Обилие и убедительность собранного школой Вильгельма Шмидта материала таковы, — пишет Александр Мень, — что даже марксистские археологи вынуждены признать, что “спорить со Шмидтом и критиковать его отнюдь не легко”, потому что труды его и его сотрудников “буквально подавляют обилием фактического материала, собранного в различных частях света”».

Столь подробное отступление от темы и погружение в историю религии оправданно в контексте нашей главной темы «добро и зло», ибо господствующий в научной среде мейнстрим относительно истории религии невидимыми нитями связан с иудейской интерпретацией истории человечества и права, норм жизни и ценностей — всего того, что позволило легализовать и легитимиро-

вать разрушительные в своей основе принципы и нормы в экономике и финансах, социальной жизни в целом. Я прежде всего имею в виду снятие религиозного запрета на ростовщичество и спекуляции с ценными бумагами в отношении иудеев.

Я не буду объяснять, почему и в каких целях произошло то, что мы наблюдаем, и кто заказал именно такую реконструкцию истории религиозного мировоззрения. Но я обнаружил удивительное совпадение в приведенных выше фактах научной реконструкции истории человечества и религии, с одной стороны, и в пророчествах из Ветхого Завета, Корана и христианства — с другой. Что я имею в виду?

Давайте зададимся вопросом: кто такой пророк, и как интерпретировать пророческое откровение? Пророчество — с научной точки зрения — это постижение истины через интеллектуальную интуицию. Интеллектуальная интуиция, как основа и источник знания, подпитывает веру. Вера в данном случае выступает как то, что не требует доказательств через опыт, эксперимент. Таким было сознание древнего человека, воспринимавшего мир и жизнь в своей целостности и неразрывной связи с единым Творцом. Опытное же, позитивное знание сообщали новое содержание тому знанию, которое основывалось на вере (интеллектуальной интуиции), они как бы подпитывали друг друга. Сфера этого знания и составляла то, что мы называем священным знанием. Древние жрецы, впоследствии — духовные наставники в своих народах — они и есть обладатели священного знания. То, что мы называем научным знанием, научной реконструкцией мира — это только последние несколько столетий. Знания, которые накоплены в этом направлении человечеством в рамках религиозного мировоззрения, — это тот фундамент, на который опирается опытное знание, накапливаемое в течение тысячелетий. В исламе сказано, что знающие — это наследники пророка. Нет никакого противоречия между научным мировоззрением и религиозным в интерпретации добра и зла, в понимании относительности и абсолютности. Абсолютный характер некоторых моральных, нравственных принципов был сформулирован, повторю, тысячи лет назад.

Почему релятивизация морали стала «альфой» и «омегой» западного мировоззрения, западной концепции устройства мира? Западная концепция навязывается как универсальная система

ценностей для всего мира. Релятивизация морали позволяет глобальной (транснациональной) «элите», или сверхобществу (в терминах Александра Зиновьева), развивать и навязывать свою концепцию мироустройства, установив в мире новый порядок. Новый мировой порядок позволит (этой «элите») фактически владеть миром, установить власть во всемирном масштабе, а затем — решительно сократить человечество в разы и подвести под все это вполне легитимную базу на основе идей «толерантности» (ко злу, в том числе) и «прав человека» (без всяких социальных, этических и экологических ограничений). Таким образом легализуется малое и большое зло. Я имею в виду пропаганду тех ценностей в образе и стиле жизни, которые, будучи одновременно разрушительными, в рамках западной идеологии и концепции мироустройства преподносятся как норма, более того, как образец для подражания.

Я не буду развивать эту тему — вы все понимаете, о чем идет речь. Если нет критерия добра и зла, то все разрешено. Именно к этому нас подводят и отечественные неолибералы наряду с их западными единомышленниками. Если так, то обесмысливается жизнь человечества, народа и человека. Обесмысливается вообще все то, что накапливалось на протяжении истории всего человечества: нет ни цели, ни ценностей.

Можно было бы развивать также очень интересную тему *трансформации* религиозных институтов, которые обслуживают соответствующие идеи. Эта тема пересекается с темой добра и зла, когда внутри иудаизма, христианства и ислама обслуживающие их институты эволюционируют так, что в процессе функционирования накапливаются идеологические и концептуальные «вирусы», ведущие к обострению конфликта (института с их подлинной миссией); когда духовные «корпорации» постепенно начинают обслуживать собственные эгоистические интересы. В результате происходит подмена критериев добра и зла, истины и лжи. Такие «корпорации», обслуживая собственные интересы, умножают заблуждения среди своих адептов. Это происходит в лоне практически всех конфессий, с разной степенью интенсивности и влияния субъективных (политических и прочих) факторов. Это отдельная тема, но она непосредственно пересекается именно с нашей темой — темой добра и зла.

О «добре» и «зле» с позиций политической науки

Н.В. Асонов, доктор политических наук, кандидат исторических наук

Прежде всего я хотел бы поблагодарить Сергея Ивановича и Юлию Александровну за интересные, по-своему новаторские выступления. Тема, которую они решили поднять, обширна как мир. Здесь можно «растекаться мыслью по древу», говорить много и ничего не сказать по существу. А можно выделить то, что представляется для тебя главным, и на примере этого главного представить специфику общественного бытия, дав характеристику его полярным элементам, и тем самым раскрыть работу закона единства и борьбы противоположностей применительно к сложной социальной системе. Именно это, как я считаю, удалось авторам.

Мне было особенно приятно, что оба выступающих поддержали мою собственную позицию относительно того, что в социальных системах, когда ставится вопрос о ценностях и целях, которые самым тесным образом связаны с такими категориями, как «добро» и «зло», нет (и не может быть) «золотой середины». Любое стремление власти или оппозиции навязать обществу идеологический миф о золотой середине ведет к торжеству в государстве антиценностей, которые у Юлии Александровны обозначены как «полюс социального зла». Поэтому никакие «клубы согласия», о которых говорил Д.А. Лебедев, или стремления к «нахождению компромиссов и кооперации», без которых якобы невозможно «воспроизводство социальных систем», здесь на глобальном уровне человеческого бытия работать не будут.

Если мы «заряжены» положительно, тогда наш нравственный потенциал будет вести нас к крайности по имени Добро, а не к «золотой середине», где оно перемешано со злом, заставляя нас каждый день жить ожиданием негативных последствий этого адского смещения двух полюсов. Главная сложность здесь такова: закон единства и борьбы противоположностей проявляет себя в том, что добро и зло всегда имеют двоякую природу, т. е., как уже было отмечено Сергеем Ивановичем Реснянским, один источник своего развития, и, согласно закону двойственности бытия, воспринима-

ются по-разному. Поэтому любое социальное явление, действие или бездействие может одновременно выступать и как положительный, и как отрицательный фактор общественной жизни, неся кому-то вред, а кому-то — пользу. Кроме того, не только каждая эпоха, цивилизация, народ, но и отдельный человек добро и зло трактует по-своему, увязывая с ними свое понимание ценностей и целей.

Скажем, для православного человека, принявшего решения Пятого Вселенского Собора как непреложную истину, которой он должен следовать, добром является христианская монархия, где наличествуют принцип соборности и обязательное разделение светской и духовной власти и их соработничество (симфония двух властей). Тогда как либерал, строящий правовое государство и гражданское общество, не может принять положения Вселенских Соборов, затрагивающие вопросы социально-государственного устройства как полезные для общества; следовательно, они выступают для него злом, которое нельзя внедрять в практику современной жизни.

К сожалению, докладчики не пояснили нам, с позиций какой именно науки (или наук) они решали поставленную перед ними проблему, что и привело к ряду критических замечаний в их адрес. В частности, я, как политолог, не услышал и не увидел в схемах, на чем именно зиждется в рамках категорий добра и зла развитие сложных социальных систем. Как и почему в разные эпохи менялось отношение власти и общества к пониманию добра и зла. Кроме того, выступающие обошли молчанием то, что было вынесено в заглавие темы сегодняшнего семинара. В итоге мы не узнали и о том, какова специфика понимания и воплощения указанных категорий в современных центрах развития мира и что эти центры собой представляют. Действительно, помимо объективных законов бытия, которые мы не в силах изменить (нравятся они нам или нет), есть законы иного рода — субъективные, действующие в ограниченной плоскости социальной жизни. Главным и одновременно мельчайшим элементом этой жизни является сам человек со всеми его достоинствами и недостатками, как социальными, так и биологическими. Разноуровневое скрещивание этих достоинств и недостатков в про-

цессе общения людей между собой, осложненное наличием у них абстрактного мышления в сочетании со свободой выбора, влияющей на формирование девиантного поведения в любом его выражении, создает очень сложный клубок переплетений межличностных, а в итоге — социальных, интересов, ценностей и целей. Их разрешение, в силу несовершенства самого человека и созданных им социальных систем, никогда не приводило к положительным стопроцентным результатам.

Таким образом, развитие социальных систем как нескончаемая цепь причинно-следственных связей, являющихся результатом постоянной реализации индивидуального и общественного сознания, неизбежно и устойчиво влияет на эволюцию самих категорий добра и зла, заставляя их периодически меняться местами и уступать право лидерства друг другу в такт новым идейным веяниям. Короче говоря, субъективный характер добра и зла, их процессуальную направленность определяет сам несовершенный человек, становясь субъектом социальной жизни и вступая в борьбу за власть, т. е. за лидерство в обществе.

Скажем, взойдя на «политический Олимп», радикальная оппозиция прямо или опосредованно (путем обработки сознания действующего главы государства) отменяет старый взгляд общества на добро и зло, утвержденный ранее, и постулирует новый, противоположный тому, что был принят.

Вспомним, для примера, преобразования Владимира Святого, модернизацию России в 1917 г. или события горбачевской перестройки 1988–1991 гг. Вот почему анализ добра и зла в социальных системах удобно начинать, опираясь на специфику политической власти. Только она, обладая самым широким уровнем инклюзивности, способна через имеющиеся в ее распоряжении ресурсы власти полностью или частично менять представления общества о добре и зле в нужном ей направлении, согласно принятой ею идеологии.

Как известно, любая социальная система всегда стремится к утверждению у себя добра, т. е. таких общественных отношений, которые выгодны ей или удобны значительной части ее членов. Нет и не было социальных систем, желающих чтобы на них распространилось зло, а именно такое общественное устройство, при ко-

тором люди переставали чувствовать себя комфортно или теряли надежду на серьезные блага в будущем. В общественном сознании реализация добра как коллективного интереса связывается исключительно с действиями доброй политической власти. Она создает для этого соответствующие политические институты и отношения, вводит подходящие им социальные статусы и роли, нормативно-правовую базу, культуру и экономику. Важное место в этом ряду занимает идеология, обязанная убедить граждан в том, что новая власть есть политическое воплощение именно того добра, которое нужно людям на самом деле. Если в данном направлении господствующей политической силой не будут сделаны соответствующие шаги, то она неизбежно потеряет свою легитимность и будет восприниматься, как зло, с которым надо бороться. Тогда доверие общества перейдет к оппозиции, имеющей свое представление о добре и зле, соответствующее ее идеологическим взглядам.

Вот почему за всю историю человечества еще не было такой власти, которая могла бы открыто объявить обществу, что она является для него злом, т. е. стремится использовать свое положение в корыстных интересах, вредящих комфортной жизни общества, создающих для него дополнительные сложности и разлагающие его нравственное (человеческое) естество.

Впрочем, то же самое касается соответствующих оппозиционных сил, идеологическая работа которых направлена на убеждение граждан в том, что на самом деле не представители власти, а именно оппозиционеры являются выразителями добра. В своей борьбе за политическое лидерство они делают ставку на том, что используют с выгодой для себя расхождения в понимании добра и зла, имеющиеся между властью и обществом.

В этом случае уместно поставить вопрос: можно ли считать добром насилие, осуществляемое властью в целях подавления негативных сторон жизни общества, воспринимаемых им как благо (добро)? И, соответственно, стоит ли трактовать как зло восстание общества против власти, поставившей любовь к себе выше любви к своему народу, и тем самым создавшей только для себя комфортные условия жизни? Если принять во внимание тот факт, что эгоизм в социально-политической сфере всегда доминировал над альтруизмом, заставляя представителей власти и общества

ставить во главу угла своей деятельности узкогрупповые интересы, прикрывая их лозунгами о народном благе, уместно поставить вопрос о соотношении декларативного и реального добра и зла.

Решая этот вопрос, мы неизбежно придем к размышлениям о критериях добра и зла. Эта фундаментальнейшая проблема социального бытия до сих пор не имеет решения и, самое печальное, не будет его иметь никогда. Юлия Александровна, как могла, постаралась вычленить эти критерии, видимо, с позиций социальной философии. Но сложность такой работы в том и состоит, что каждый исследователь подходит к ней с точки зрения той идеологии, которую он принял как истину, т. е. как добро. Поэтому его анализ будет существенно отличаться от того исследования, которое проведет ученый, исповедующий противоположную систему ценностей. Иначе говоря, убежденный либерал и православный монархист всегда будут смотреть на одни и те же вещи по-разному. Вот почему я именно так построил свои вопросы к докладчику и содокладчику. Мне было важно выявить их принципиальное расхождение во взглядах на мир, а значит и на понимание добра и зла.

Религиозная убежденность первого выступающего прекрасно оттеняла светский подход второго. В качестве доказательства своих рассуждений приведу ряд примеров.

Если Сергей Иванович опирался на имена авторов, которые в той или иной степени разделяли понимание добра и зла, свойственное или близкое по духу общественному сознанию славяно-православной цивилизации, то Юлия Александровна шла совершенно иным путем. Она тяготела к либеральной трактовке решения поставленной перед ней задачи, которая — начиная приблизительно с XVI в. — упрощала, нивелировала целый ряд понятий, связанных с категориями добра и зла.

Скажем, для ученого-либерала свобода, как добро, всегда выступает как некая социальная целостность, антипод несвободе как злу. Для православного исследователя данная проблема раскрывается совсем иначе. Он знает, что свобода всегда делится на две враждебные друг другу противоположности, которые берет на вооружение та или иная политическая сила. Это свобода для греха и свобода от греха. А мы с вами знаем, что в либерализме нет понятия греховности как социально-нравственного явления,

потому что либерализм оправдывает многое из того, что осуждает Церковь: скажем, рыночные отношения, равенство мужа и жены, однополую близость и т. д. Поэтому неслучайно категория «нравственность» не имеет в либерализме юридического характера.

То же самое касается и такой категории, как «любовь». В схеме, предложенной уважаемой Юлией Александровной, она рассматривается как добро, т. е. так, как принято в либеральной науке. Между тем восточный христианин знает, что есть любовь, идущая от «лукавого»: это любовь к себе (эгоизм), к материальным благам, карьерному росту, славе и т. д., т. е. любовь как зло. А есть любовь, идущая от Бога и представляющая собой жертвенное чувство. Это любовь к Богу, монархии, к своему народу и той земле, которая дана ему Свыше, его национальная квартира, которую надо не бросать в поисках лучшей доли, а защищать, не жалея живота своего как бы тяжело тебе не приходилось. Это любовь к семье и личности, любому человеку, которому ты можешь оказать посильную помощь.

Именно первые три главных категории любви, идущей от Бога, стали идейной основой известной триады графа С.С. Уварова (православие, самодержавие, народность) и боевым лозунгом русских солдат, идущих сражаться за Веру, Царя и Отечество.

В заключение напомню умную, почти забытую мысль, высказанную одним русским книжником более шестисот лет назад: «Зло в этот мир всегда приходит в маске добра, иначе в него никто не поверит и не пойдет за ним».

Семь тезисов к дискуссии о природе добра и зла в современном мире

В.Н. Лексин, доктор экономических наук

Понятия добра и зла, ощущаемые на уровне обыденного сознания однозначно и почти инстинктивно, в научной дискуссии разворачиваются в такие причудливые и внутренне противоречивые образы, что остается лишь повторить за Набоковым несколько заключительных слов «Дара»: «...Но для ума внимательного нет

границы». Памятуя об этом обстоятельстве и не считая свой ум особо внимательным, ограничусь высказыванием всего лишь семи суждений в нарочито тезисной форме.

1. Добро как основание устойчивости общественного бытия. Добро и зло — два понятия, разделенные по принципу «противоречивой противоположности»; это — классические антиподы, исследованием которых в течение тысячелетий заняты философы и богословы, а в последние столетия — и социологи, психологи, политологи и даже биологи и медики. И не удивительно, поскольку вся история человечества есть история сосуществования добра и зла, а вся повседневная жизнь частного человека проходит в субъективном ощущении их объективности или иллюзорности.

Понятие *добра, несоединимого со злом*, представляется мне важнейшим и определяющим в осмыслении сути и взаимоотношений пары «добро-зло». Из множества известных определений я хотел бы напомнить о положении, сформулированном А. Швейцером почти 100 лет назад (в 1915 г.) и развернутом в его работах «Культура и этика», «Проблема этического в развитии человеческого мышления» и, главное, в широко известной в России книге «Благоговение перед жизнью»: «Добро — то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей». Великий гуманист имел в виду добро, предметно реализуемое в ответственном поведении каждого и непротиворечиво соединяющее самоотречение с благоговением перед собственной жизнью, которую, как показал пример самого А. Швейцера, можно достойно прожить в мире зла, лишь каждодневно творя добро.

Осознание сути и принципиальных различий добра и зла и, прежде всего, того, что никакое зло не может вести к добру, является единственным основанием устойчивости общественного бытия. Многие полагают, что это основание расшатывается обстановкой смутного времени, революций и иных кардинальных трансформаций устройства жизни («какое время на дворе — такие песни»). Думаю, что в таких суждениях смещены причины и следствия, поскольку именно смута в представлениях о добре и зле провоцирует общественные потрясения, а большинство больших и малых, катастрофических и, на первый взгляд, малозначащих событий

негативного характера часто (если не всегда) начинаются с помрачения мыслей о добре и зле, о добре и благе, о добре и долге.

2. «У каждого своя правда?». В философских кругах бытует мнение о том, что *добро* более аксиологично, чем онтологично, и что добро есть ценностное, а значит изначально *сравнительное* представление о положительном и даже идеальном; при этом априори предполагается обязательность присутствия отрицательного. Одним из аргументов такого мнения часто служит то, что заповеди, ведущие к добру, даны в форме отрицания зла («не убий» и т. п.). Напомню и о том, что добро есть понятие, соотносимое в основном с человеком и усматриваемое только в его поступках; все, связанное с природными явлениями, ассоциируют с понятиями добра и зла в исключительных случаях, называя, например, злом землетрясения, цунами и прочие редко случающиеся естественные природные явления и забывая о безмерном и непрерывном добре, даруемым нам природой.

Признание добра и зла не более чем субъективными ощущениями, результатом сравнительных ценностных оценок и свободного выбора каждого, не различающего «что такое хорошо, и что такое плохо», как бы оправдывает представления о том, что «у каждого своя правда». В секулярном обществе понятие добра низводится до уровня морального добра, некритически отождествляемого с благом; а таковым начинают считать материальную пользу, различно понимаемое счастье, удовольствие и т. п. Естественно, что это не имеет никакого отношения к представлениям о свободе совести, предполагающим допустимость сознательного выбора между *содержательно определенными* добром и злом; причем добром может стать результат только такого поступка, который совершен в соответствии с высшими ценностями и общественным благом.

3. Зло — болезнь целостности. Зло (как и добро) обычно трактуется лишь как ценностное понятие, противоположное аналогично понимаемому добру. В простейшем изложении зло есть все противоречащее высокой морали и наносящее в конечном итоге вред и окружающим, и самому творцу зла. Зло моральное соседствует и во многом определяет зло физическое, социальное и политическое. По Аристотелю, зло в человеке есть зверство, невоздержанность и порочность, но главное — нарушение меры.

В основе индивидуально творимого зла — внутренний дисбаланс (хаос) физических (плотских, телесных), душевных и духовных сил. Об органической целостности сущего и разрушении ее злом доказательно рассуждали не только С.Л. Франк, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и И.А. Ильин. Зло — болезнь целостности, в христианстве — *самовольное отклонение* от божественного порядка.

Зло не просто антиномично добру на уровне понятий, у них как у абсолютных сущностей и универсалий принципиально разный генезис. Христиане уверены в том, что *Бог не создавал зла*, и что зло (если забыть о природных катаклизмах) — дело помышлений и рук человеческих. Можно по-разному относиться к словам Р.Г. Апресяна о том, что «одно дело вершить добро или зло, и другое — позволять злу твориться. И хотя при выборе между большим и меньшим благом следует выбирать большее, а между большим и меньшим злом — меньшее, с моральной точки зрения *вред зла значительно, нежели благо добра*. Для сообществ разрушительное начало зла несправедливости значимее, чем созидательная сила добра милосердия, и, таким образом, *недопущение несправедливости* с моральной точки зрения существеннее, чем творение милосердия». В любом случае невредно обсудить смысл этих слов в контексте известного труда И.А. Ильина «О сопротивлении злу насилием».

Современное зло — то же, что и столетия назад, но обогащенное неписанными правилами нового миропорядка, оснащенное финансово и технически, располагающее невиданными ранее информационно-коммуникационными возможностями разлагающей суггестии. Зло становится сильнее и изощреннее на всех уровнях его проявления — от мутирующей микрофлоры до главных акторов глобализма. В отличие от добра, зло все откровеннее проявляет свою абсолютность, и чем выше возносится человек, освобождаемый идеологией вседозволенности от всех спасительных мыслей о сути зла, тем опаснее становятся попытки его оправдания.

4. Попытки оправдания зла. В повседневной жизни последних столетий известное правило дихотомического членения, согласно которому добро и зло должны были бы не только исключать друг

друга, но и быть логически несовместимыми, постоянно опровергается. Люди без усилия соединяют добро и зло в помыслах и действиях, а философы обосновывают логическую возможность (более того — неизбежность) такого соединения.

Никогда ранее люди (и целые государства) столь энергично не заигрывали со злом в благих целях. Но возможно ли вообще найти хоть что-нибудь положительное в том, что мы считаем злом: в войнах, в техногенных катастрофах, в хищническом исчерпании природных ресурсов, в кризисах, в болезнях, в преступности, алкоголизме и наркомании, в сексуальной безответственности, в нежелании иметь детей? Однако оправдание зла можно найти в философских трактатах и в искусстве (особенно в современном). И если болезни еще могут быть поняты как испытание человеческого духа (об этом замечательно сказано у Гоголя в одном из «Выбранных мест из переписки с друзьями») и как стимул борьбы за здоровье и долголетие, то мифистофельская апология любого зла как предтечи добра представляется абсолютно неуместной.

Оправдание зла — занятие малопочтенное, но кто не слышал рассуждения о том, что людей на Земле слишком много, а войны бывают не только захватническими, но и освободительными или ведущимися за установление общечеловеческих ценностей; что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки мощно продвинули медицинскую радиологию; что исчерпание природных ресурсов стимулировало пробуждение экологического сознания, начало «зеленой революции» и нахождение альтернативных источников энергии; что только благодаря кризисам происходит периодическое животворное обновление экономики; что алкоголизм и наркомания есть формы естественной санации человечества от «слабого звена»; что «дети крадут счастье» и что даже Холокост пошел на благо строителям израильского государства. При этом редко упоминают о том, что прямые результаты зла становятся судьбой одних, а своеобразно понимаемые «выгоды» отдаленных последствий зла — судьбой совсем других.

5. Добро и благо. Обозначенный в предыдущем тезисе вопрос требует обратиться к соотношению понятий добра и блага. Христиане знают, что благо есть проявление божественного присутствия и, вероятно, самое весомое доказательство его реальности.

Благо есть одно из имен христианского Бога; «спаси, Блаже, души наши» — традиционное молитвенное обращение к Богу. О божественной сути блага знали задолго до зарождения христианства, и еще в «Государе» и «Тимее» Платона можно прочесть: «Бог причина не всего, а только блага» (Платон даже предлагал издать соответствующий закон). Такое толкование блага проходит через философию Аристотеля и Плотина, Боэция и Аквината, и весьма изощренно трансформируется в утверждения о высшем благе богопознания в «Этике» Спинозы, о заданной Богом благой гармонии мироздания Декарта, а также в содержательно близкие положения ряда трудов Лейбница, Канта и Шеллинга.

Считают, что благо более онтологично, чем добро (см. тезис 2), в связи с чем известны попытки семантического выведения учения о благе за границы аксиологии в область агатологии (от греческого «агато» — благо). С этих позиций благо и ценности могут совпадать, но чаще они противоречат друг другу как индивидуально переживаемое и абсолютное. Здесь возникает множество вопросов для современного осознания идеи и реальности блага, и прежде всего вопросов о том, как соотносятся наши земные блага с высшим благом и какова иерархия благ, ранее признававшаяся как само собой разумеющейся, или аналогичной иерархии ценностей у М. Шелера.

6. «Натуральная ошибка», автономия и гетерономия. Аксиологический агностицизм в отношении корректного определения добра часто оправдывается несоразмерностью определяемого и определяющего понятий (этот логический дефект в широко известных «Принципах этики» Дж.Э. Мура назван «натуралистической ошибкой») и смешением дескриптивных и прескриптивных начал в оценочных характеристиках реальных явлений и событий. Предельно расширяя ареал воздействия «натуралистической ошибки» практически на все материалистические и метафизические дефиниции добра, Мур и его последователи приходят к утверждению о том, что такие дефиниции, в принципе, неверны, и что интуитивное знание о добре становится ложным при его формализации. По сути дела сугубо дефинициальный вопрос становится разделительной чертой между приверженцами автономной и гетерономной этики.

Понятия автономии и гетерономии, восходящие к кантовским «Основоположению к метафизике нравов» и «Критике практического разума» (обе работы — в третьем томе его сочинений издания 1997 г.), отсылают к *источнику* деятельностного добра. Они означают разные побудительные качества воли к действию: одни мотивируются изнутри собственным разумом (разумная «автономия воли»), другие подчинены находящемуся вовне всеобщему закону. Автономия, по Канту, есть логический источник морали; в этике автономности философы находили фундаментальные противоречия; и, например, положение Фихте (последователя и оппонента Канта) о том, что «влечение к абсолютной самостоятельности» должно привести индивидуальное Я к полной свободе и независимости, к самосознанию и самоопределению в свое время встретило убедительную критику. И лишь адептам христианского мировоззрения и мировосприятия (И.А. Ильин, Н.О. Лосский) в какой-то степени удалось увязать идеализированную автономию воли с абсолютом моральных ценностей и с добром как таковым.

7. Привлекательность зла и утверждение добра. Нет ничего удивительного в том, что люди западной цивилизации (особенно «поколение Пепси») слишком часто обречены на выбор зла. Грех всегда был внешне привлекательнее добродетели, не стремящейся (как и все, относящееся к добру) к активному позиционированию. Вспомним, какое блестящее и афористическое изложение получила у М. Штирнера и, особенно, у Ф. Ницше развитая еще софистами идея относительности, надуманности и своеобразной искусственности (идеологического конструирования) добра. У Ницше добро предстало не более чем добропорядочным морализаторством слабых, а зло — аристократичным, красивым и, как сказали бы сейчас, креативным. Манихейская идея равнозначности добра и зла, находящихся в состоянии нескончаемой «холодной войны», в сравнении с этим представляется даже более гуманистичной.

Зримо набирает силу (или уже дошла до предела?) эстетизация зла: в литературе, изобразительном искусстве, в кино и театре, особенно в Интернете, все виды зла могут преподноситься в такой завораживающе красивой (точнее — прелестной, в смысле —

«прельщающей») форме, которая во всех отношениях превзошла «фосфоресцирующую гниль» Бодлера. Это — плоть от плоти присутствующего нашему времени признания естественности имморализма (точнее — неразличения добра и зла) в поведении и образе мыслей, в освобождении от ханжества», «лицемерия» и т. п. атрибутов «несвободы». Все это стало нормой. Приведу всего один пример.

В мае этого года на Каннском кинофестивале была представлена премьера фильма прошлогоднего лауреата фестиваля («Золотая ветвь» за фильм «4 месяца, 3 недели и 2 дня») румынского кинорежиссера Кристиана Мунджиу «По ту сторону холмов». Фильм этот — о насильственной гибели в маленьком женском монастыре молодой женщины, приехавшей туда для возвращения в мир (и к себе) своей бывшей любовницы, отринувшей прошлое и ставшей монахиней. В аннотации к фильму режиссер утверждает: «Любовь (см. выше — В.Л.) может сделать понятия добра и зла весьма относительными. Свет и тьма на самом деле есть порождения не бога и дьявола, а хорошего образования или дремучего невежества». Что-то подобное утверждали и лидеры ушедшего в прошлое Просвещения; но почему-то их ученики — все как один отличники — стали идеологами гильотины.

Вопрос о добре и зле становится главным вопросом нашего бытия. Сила различных мотивировочных начал добра и зла *как реальности* с каждым годом определяет будущее человечества, будущее каждой страны и каждого из людей значительно сильнее, чем десятилетия назад. Выбор добра — единственного условия выживания человечества — становится все проблематичнее из-за теоретически доказываемого и практически реализуемого принципа внеморальности бизнеса и политики, образования и искусства. В то же время о необходимости и, главное, о возможности воплощения в практической жизни *миссии добра* в наши дни говорит не только Церковь. Все настоятельнее становятся требования нормативного утверждения самой идеи добра в конституции и законах, в образовательных программах и политике СМИ. Добро не может быть «с кулаками», и поэтому необходимы меры его государственной защиты как высшей ценности. Об этом начали задумываться пока еще немногие политики, люди искусства и ученые. И, думаю, что сейчас это важнейшая тема для научных дискуссий.

Вера в лучшее будущее необходима даже с медицинской точки зрения

Д.С. Чернавский, доктор физико-математических наук

Мне понравились и доклад, и выступления в дискуссии (особенно относительно того, что добро и среди животных бывает. И тигры — тоже твари божьи, и волки — твари божьи, и ничто человеческое им, волкам, не чуждо.

Теперь по существу. Степан Степанович Сулакшин отметил, что у семинара два направления — духовное и научное. И тут же Сергей Иванович Реснянский сказал, что они не совместимы. Я хотел бы прокомментировать.

Они несовместимы, если под духовным понимать веру в загробную жизнь и веру в бессмертие Души (скажем — в перевоплощение). При этом неважно, куда попадет душа. Как известно, рай — это климат, а ад — это общество. Можно верить в то, что душа бессмертна, но тогда любое научное прикосновение к этой теме бессмысленно. Бессмысленно оно по следующей простой причине: нельзя поставить эксперимент — бессмертна душа или нет? Эксперимент, подтверждающий или опровергающий бытие Божье тоже поставить нельзя. Если признать бессмертие, то наука бессильна. Если не признавать бессмертие души и бытие Божье, то вопрос о ментальности, о поведенческих реакциях, вопрос о вере в будущее можно обсуждать.

Вера в хорошее будущее — она действительно необходима, даже с медицинской точки зрения. Решать вопрос о вере, о поведении, о добре и зле можно чисто научно. Но тогда мы столкнемся с тем, что понятие добра и зла *условно*. Встретимся мы и с тем, что понятие «разум» очень нечетко. Разум, мышление бывает логическое, бывает интуитивное. И то, и другое существует. С точки зрения науки, интуитивное мышление вполне изучаемо. При этом оказывается, что креативность вполне можно научно исследовать. Это процесс интуитивный, а не логический. В рамках логического креативность невозможна. Но это не значит, что в рамках вообще научного это невозможно. Можно! Берусь это сделать.

Что касается доклада Юлии Александровны. По-моему, это пример научного подхода. Мне очень понравилось, что здесь использовалась теория распознавания, классификация, кластеризация признаков. Может быть, работа выполнена еще не до конца. Интересно: в дальнейшем — устроит ли алгоритм, показывающий меру добра и зла?

Мне еще вот что понравилось. Когда Вы использовали информацию, Вы отделили ее от энергии, и это правильно. С моей точки зрения, это удача Вашего исследования.

Реплика (Д.Ш. Халидов):

Нейрофизиолог академик Бехтерева как-то сказала: «Я изучаю мозг всю свою жизнь, но ничего не понимаю. Но как только допускаю гипотезу о существовании Бога, все становится ясно».

Реплика (С.С. Оганесян):

Дело в том, что отнюдь не случайно в Писании сказано: по образу и подобию Бога создан человек. Иисус, обращаясь к людям, к иудеям сказал: «Вы боги. За что вы хотите лишиться меня жизни? За то, что я назвал себя сыном Божьим?». Ничего мистического в этом нет, а в Коране сказано, что названию всего, что сущее, человека обучил Бог.

Реплика (С.С. Сулакшин):

Разрешите и мне маленькую реплику в связи с упоминанием имени академика Бехтеревой. Допущение, гипотеза о чем-нибудь — это исключительно научный методологический прием. Допущение о Боге в научной логической схеме доказательства все равно имеет научный характер, а вовсе не трансцендентный, мистический. Причем на обратном логическом пути, когда эмпирика подтверждает построенный на созданном допущении смысловой институт, возможно доказать существование допущенного предположения.

Я хочу вас заверить, что к этому уникальному сборнику, который мы выпустим по итогам сегодняшнего семинара, обязательно предпошлю некое методологическое предисловие, чтобы читатели правильно поняли вообще, что здесь происходит, поскольку без

уточнений могут возникнуть ложные ощущения. Дмитрий Сергеевич Чернавский справедливо о них предупредил, поэтому мы и подошли к такой методологической сложности. Я уверен, что из нее мы сумеем выйти.

Трудно искать черную кошку в темной комнате, где вообще никого нет

И.Л. Андреев, доктор философских наук

Дорогие коллеги, сегодня я буду среди тех, кому больше всего понравилась... преамбула Степана Степановича Сулакшина, сделанная к обоим докладам. Скажу почему. Его исходная позиция безупречна: есть точные науки, есть гуманитарные. У точных наук то преимущество, что они пользуются единой отточенной методологией и физико-математической метрологией, в то время как гуманитарные науки используют в своем тезаурусе многозначные и во многом символические термины: можно их так понять, можно эдак. Они хотя и создают образы, но четкости нет.

Я нарисую простенькую схему: здоровье — недомогание — болезнь. Есть добро, есть зло и есть норма. Скажем, я веду себя вполне прилично, законопослушно, морально, вежливо; но для меня это не подвиг, не добро, не противостояние злу. Это просто обыденность, моя норма поведения, совпадающая с определенным социально-культурным стандартом, который воспитан во мне и ничем особенно не выделяет меня из здесь сидящих.

Что касается философского подхода, то в нем есть одно тонкое различие, которым редко кто пользуется. На поверхности лежат контрарные противоположности — добро и зло, которые исключают друг друга. Есть белое и черное, но между ними — серое, т. е. небелое и нечерное, противоположность этого «среднего состояния» по отношению к крайним в данной триаде — контрардикторная, как бы «полупротивоположность» в сравнении с контрарными «крайностями». Вот почему я выделил недомогание. Если под этим углом зрения подойти к проблеме добра и зла, то выясняется, что вот оно различие характера противоречия. Эта стадия есть

еще у Аристотеля, когда он ищет средний термин. Этому подходу почти 2500 лет, просто им мало кто занимается. Это первое.

Второе. Почти все, что я хотел сказать, уже прозвучало. Владимир Николаевич Лексин прекрасно сказал о проблеме блага, благополучия. Это с добром связано. Когда выступал Степан Степанович, я вспомнил Бранислава Нушича: добро и зло в его блистательных новеллах перетекают одно в другое, почти как гусеница на поверхности листа Мебиуса. Король-гуманист, видя как бедный слепой старик затрудняется самостоятельно перейти дорогу, издал указ, согласно которому каждый полицейский, увидев слепого, должен лично помочь ему перебраться на другую сторону улицы. После этого ретивые стражи порядка начали грубо хватать бедных слепых и тащить их в участок с тычками и словами: «Ах ты, такой-сякой, сиди дома!».

Третий момент. Гегель очень четко зафиксировал: «Зло всегда активно». Меня много лет занимала мысль: почему, за счет чего и против чего/кого оно активно? Если зло протестное, то оно стремится сломать, по Гегелю, пространственные рамки системы, чтобы продвинуть вперед время, дать дорогу будущему, помочь ему изнутри пробить застарелую скорлупу наличного бытия. Это один вариант. Другой вариант: зло активно мешает, препятствует реализоваться добру... Здесь очень тонко коллега Лексин заметил, что рецепт для сторонников добра один: не надо давать злу реализоваться. Но каким образом? Тем более что добро и зло связаны как противоположности взаимными переходами и полярными социальными ролями: кому война, а кому — мать родна.

Четвертое. О Вашем, Юлия Александровна, предложении ввести понятие «человек категорийный». Абсолютно не могу понять этот замысел: зачем и почему? Я посмотрел энциклопедии, «полистал» Интернет, новейший социологический словарь С.А. Кравченко. Там рассмотрены многие понятия и категории: и человек, и добро, и зло. Может быть, Вы, Юлия Александровна, укажете, где об этом *человеке категорийном* можно прочесть?

Мои слова — отнюдь не возражение, а искреннее удивление. Я никогда такого словосочетания и подхода не встречал. Поэтому я не говорю, что этого не может быть, но в Вашем докладе я не нашел даже попытки обосновать вводимое Вами понятие.

Далее. Относительно Вашей оценки плохих и хороших качеств. По-моему, она в изложенном виде откровенно субъективна. Ну почему уныние — это обязательно плохо? Почему уныние — непременно животная черта? Вот, например, бывает у меня уныние — я что, животным в это время становлюсь? Ваша классификация очень сомнительна, потому что Вы относите к чисто зоологическому то, что присуще и человеку. Не вижу здесь непроходимой границы. Будучи человеком, я вместе с тем непременно остаюсь представителем биологического вида *homo sapiens* и не перестаю в сфере физиологии сохранять многие черты метаболизма и даже поведения, свойственные животным.

Если Вы построите классификацию по признаку «добро — зло и норма», норму возьмите за стержень. Потому что, кто он — человек категорийный? Вы или я? Откуда он взялся? Где его можно встретить? Чем он отличается от нас, здесь присутствующих? Или мы все, не зная и не ведая того, отнесены Вами к людям категорийным? А чем тогда мы отличаемся от тех, кто не удостоился такого рода «категории»?

Вы сказали, что только начинаете эту работу, и я ни на чем не могу настаивать. Это Ваше неотъемлемое творческое право. Но я искренне надеюсь, что мои, подчас едкие по форме и, надеюсь, не обидные замечания смогут Вам помочь. В свою очередь, мое право ученого и философа усомниться в целесообразности предлагаемой Вами новации и, рискуя оказаться невежливым, озвучить свои сомнения. Так что мы оба правы — каждый по-своему.

Наш семинар с активным участием представителей доброго десятка самых разнообразных и, подчас, далеких друг от друга научных специальностей, школ и направлений — прекрасная дискуссионная площадка для столкновения и соотнесения мнений, чтобы сомнения, нечеткости и иные рабочие моменты оставались в нашем кругу. И чтобы вовне мы всегда выходили бы с безупречно аргументированными интеллектуальными продуктами и предложениями, обеспечивающими нашему, во многом уникальному сообществу достойных ученых заслуженный авторитет и общественное доверие.

Что есть философский символ добра?

Д.А. Лебедев, кандидат биологических наук

Хочу начать со слов Достоевского: «Никогда еще не было народа без религии, т. е. без понятия о зле и добре. Никогда разум не силах был определить зло и добро, или даже отличить зло от добра, хотя бы приблизительно. Наука же давала решение кулачное. В особенности этим отличалась полунаука. Самый страшный бич человечества — хуже голода, мора и войны, не известный до нынешнего столетия».

Эта цитата вписывается в сегодняшнюю дискуссию, и ее можно развивать в разных направлениях. Но мне хотелось бы акцентировать внимание на некоторых положениях, прежде всего связанных с биологией. Существуют такие жизнестойкие бактерии, которые точно остались бы, случись на Земле даже ядерная зима — лет эдак на 300. Они жизнестойкие, много миллиардов лет назад они появились, просуществовали все это время. Но при этом шла эволюция — от одноклеточных к многоклеточным и человеку. Это добро или зло? Биологическая эволюция от простого к сложному — это добро или зло? На мой взгляд, это яркая демонстрация того, что может служить философским символом добра.

То же самое происходит и с человеком — он развивается. Это критерий добра и зла — идея развития. Владимир Николаевич Лексин удачно об этом сказал.

Мне хотелось бы отметить еще несколько моментов. За 7 лет у человека не остается ни одной прежней молекулы, все они обновляются. Это добро или нет? Задавшись этим вопросом можно выйти на очень интересные решения, потому что когда существует баланс синтеза и распада, человек здоров. Но это обязательно должны быть и синтез, и распад.

Что такое на самом деле болезнь? Болезни бывают разные. Одни могут развивать человека, но могут быть и болезни, которые убивают человека. Это и добро, и зло.

Существует наука, которая называется «социология глубин»; она обращается к бессознательному, религиозному, мифическому мышлению. То, что Юнг называл «коллективным бессознательным», развилось в целую науку. Одна из ярких монографий — кни-

га Дугина «Логос и мифос». Замечательная, на мой взгляд, книга. Там достаточно подробно рассказывается о системе бессознательного, которая присуща каждому из народов мира. Эта наука развивается. Мне кажется, без понимания бессознательного трудно прийти к пониманию добра и зла. Как пример, можно рассмотреть Германию 30-х гг. прошлого столетия, когда там зародился фашизм. Куда исчезло гуманное начало у такого числа людей?

Смерть и Время царят на Земле,
Ты владыками их не зови,
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь Солнце любви.

(В.С. Соловьев).

В этих словах поэта России проявилась, на мой взгляд, русская, российская цивилизация.

Добро и зло как категории сакральной географии

Д.Н. Замятин, кандидат географических наук

Спасибо обоим докладчикам за интересные доклады. Попытаюсь дать несколько ремарок, которые я считаю важными. Я считаю, что противопоставление биочеловека и реального человека не совсем корректно: все-таки человек — существо биологическое, это уже некая целостность, в которой развивается дух и нравственные представления. Поэтому, может быть, стоит подобрать несколько иные понятия, которые более точно выражали бы предложенную оппозицию.

На мой взгляд, обсуждение проблематики, связанной с различными ценностями, опирающимися на понятия добра и зла, очень четко говорит о кризисе современности. Мы часто утверждаем, что современность — это кризис. Мне кажется, проблема в том, что в анализе нашей эпохи автоматически используется понятие традиционного. С моей точки зрения, традиционная религия не в состоянии объяснить современные процессы. Это очень важно, что традиционные религии сохраняются, традиционные ценности

по-прежнему существуют. Но они не закрывают ту онтологическую брешь, которая возникает в настоящее время. Мы все видим, что возрождается язычество, возвращаются мифология, магия и т. д., несмотря на государственную поддержку традиционных религий. В чем дело?

Мне кажется, дело в том, что мы должны вернуться к проблеме онтологии. Есть некая традиция, и есть не-традиция. Мы должны расширять себя за пределы традиционных религий, традиционных ценностей. Давайте вспомним историю религии в самом примитивном смысле. Если мы говорим о языческой религии, то, по общепринятому мнению, наиболее толерантной была римская религия, что, по-видимому, способствовало победе христианства. Второй пример — это буддизм, который в рамках восточных культур является одной из наиболее толерантных религий. Может, они выдвигают наиболее адекватные, наиболее тактичные понятия добра и зла? Нет, это не так. Кроме того, проблема добра и зла всегда связана и с проблемой справедливости, которую мы здесь уже обсуждали.

Если мы начнем расширять пространство — даже чисто географически, — то возникает элементарная бытовая зарисовка, которую все хорошо знают. Многие эмпирически сталкивались с тем, что люди часто говорят: в глубинке или провинции люди добрее, а в столице или в мегаполисе люди более жесткие, злые. Это очень интересная вещь — на самом деле пространство и его границы оказываются этическим маркером.

Когда мы переходим в пространство ментальное, метафизическое, вопрос ставится по-другому. По сути вся современная наука рождается под «прикрытием» христианства. Этот процесс хорошо описан К. Свасьяном в книге о генезисе европейской науки. С одной стороны, христианство позволило науке оформиться как интеллектуальной и общественной институции в современном понимании; с другой стороны, оно ставит некие онтологические и метафизические преграды с точки зрения логики и самого содержания мысли, которые не способствуют развитию науки.

Основные обсуждаемые нами ценности наиболее активно трактуются в рамках западных цивилизаций христианством и исламом, которые проповедуют довольно жесткую мораль, родив-

шуюся в традиционных обществах пустынных областей Западной Азии. Эти религии откровения достаточно дистанцированы от религий восточного круга — в основном, от религий Китая, поскольку в Индии доминирует фундаментальная индоевропейская традиция. Один из наиболее интересных философов современности Джорджо Агамбен как раз очень четко анализирует понятие человека священного в его западной трактовке и то, как оно соотносится с понятиями добра и зла. Он говорит о кризисе традиционного понимания добра и зла, переходя к понятиям концлагеря и чрезвычайного положения, рассуждая о том, что именно традиционное понимание религии, взаимоотношений язычества и религии откровения приводит к узкому толкованию понятий, онтологическим провалам современности и политическим катастрофам XX века.

Я завершу, не давая определения добра и зла. С моей точки зрения, наука всегда несколько дистанцировалась от этих понятий. Когда мы занимаемся наукой, мы должны дистанцироваться от религиозности или же атеистических убеждений. Сегодняшний семинар показал, что, по всей видимости, это не всегда осознается.

Смысл жизни ученого — в создании нового

*С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Мне очень нравится сегодняшний семинар, потому что он, кроме, собственно говоря, поставленной темы, обнажил и отчасти дает ответы на очень важные вопросы научной методологии. Ход дискуссии высветил несколько ключевых вызовов, которые очень важны для постижения. Начну с забавной позиции.

Наука (настоящая) — она тогда наука, когда выдает нечто, о чем никто не читал ни в одном словаре, ни у одного классика. Это — новое! Оно впервые получено! Мы не имеем права лишать себя возможности получать *новый научный продукт*. Цель семинара и наших бурных дебатов состоит именно в этом. Я, например, счастлив, когда некий результат работы нашего коллектива или

тех, кто выступает здесь, вызывает недоуменный вопрос: «А где про это прочитать? Мы нигде об этом не читали и нигде этого не видели!». То, что представлено, доказано с использованием критериев истины, научных методологических критериев, и при этом никто об этом не читал — это самое ценное, что вообще можно себе вообразить в науке. В этом и есть смысл жизни ученого — создание нового. А в справочники, словари и учебники для студентов первого курса это новое, несомненно, попадет через месяц, год, через десять лет, когда полученные новые результаты будут обсуждены научным сообществом, будут перепроверены другими независимыми исследовательскими группами, будут общеприняты в научном обороте как достоверные результаты. Конечно, это попадет во все учебные анналы.

А если об «этом» можно прочитать в учебнике, то зачем на научном семинаре о таком говорить? Это предмет лекций для студентов, не более.

Огромный вызов заключается в вопросе, насколько природа понятий категорий добра и зла релятивистская или, напротив, насколько она абсолютистская? Мне кажется, что на сегодня я получил подтверждение тому, что это абсолютная позиция. Даже оппоненты этой точки зрения невольно подтверждают ее, потому что именно ими сегодня сказано: «понятия добра и зла не универсальны, но *они космополитичны, они обязательны для всех*». Хотя и противоречиво, но это и есть позиция абсолютности! Всего полшага к тому, чтобы сказать, что они еще и *всегда* обязательны. Это, по логической связке, так и вытекает.

Абсолютизм понятия заключается, во-первых, в неизменности критериев отнесения добра и зла к чему-то. О критерии нужно говорить в обязательном порядке. Во-вторых, он возникает при видении вопроса из некой точки отсчета в универсуме.

Поясню свою мысль. Я имею в виду самый большой, гамбургский счет, потому что вызов заключается вот в чем. Кажущаяся относительность категории добра и зла нас обманывает потому, что ее проявления и воплощения в жизни очень множественны и сложны.

Приведу иллюстрацию. Убить человека, это почти бесспорно, зло. А убить злодея, который собирается убить 10 человек? Это

уже что? А если убить злодея, который собирается убить злодея, который собирается убить 10 человек? Убить человека в подворотне или убить человека — врага своего — на фронте, исполняя свой долг? Нет нужды развивать эту понятную мысль. Приведенная иллюстрация показывает, что в каждой конкретной ситуации, когда трудно определить, добро это или зло, если подняться на некую высоту в универсуме — всегда, пользуясь неизменным критерием, *всегда* можно отнести конкретное проявление к добру или злу.

В дискуссии совершенно справедливо говорилось, что смысловая конструкция не выстраивается, если нет цели, отталкиваясь от которой вырабатываются критерии. Только тогда становятся возможными и оценки. В целом ряде работ нашего Центра, в публикациях — пока еще, правда, препринтных, — в сборниках трудов, в первом томе шеститомника «Национальная идея России» это более или менее системно изложено.

Каков системный критерий добра и зла? В дискуссии обнаружился такой подход: добро — это то, что тяготеет в человеческой деятельности к «образу и подобию», если употребить религиозную формулу, которая сконцентрировала в себе мудрость поисков древних и наших предков. Нельзя априори относиться к этому, как к не истине. По крайней мере, в этом случае надо доказать, что это не истина.

Я задаю вопрос относительно понятия «по образу и подобию»: а в чем заключается образ? Образ чего? Какой он? Можно сказать «квадратный и белый», и это будет образ. А в данном случае, как он выглядит — этот образ? Давайте его выпишем. Эта попытка и была предпринята в докладе Сафоновой. Но тут есть проблема соотношения языков описания. С одной стороны, аллегорического и беллетристического, с другой — научного. Именно эту трудность при определении критерия добра и зла необходимо преодолеть. Приведу пример подобной трудности.

Известно, и широко известно, следующее выражение: «Бог есть любовь». С точки зрения научного словаря, это семантически неправильно построенная фраза. Она бессмысленна. Она употребима для лирической поэзии, для искусства, для разговорного жанра. Но, не сказав, что есть Бог, сказать, что он есть любовь... Любовь — это чувство, любовь — это процесс, еще что-нибудь.

Получается, что Бог есть чувство? Бог есть процесс? Конечно, нет. Поэтому научный язык, методология определения того, что есть «образ и подобие» требует довольно строгого подхода. Этот подход и был предложен в работе Центра. Мы его условно называем «реостатный». Предложено 12 мерных шкал, характеризующих помыслы, действия и результат. Меру методологически дают социологические замеры и количественные экспертные оценки (рис. 1).

Рис. 1. Пространство характеристик человеческих мнений, намерений, действий и их результатов

Справа — «образ и подобие». 12 характеристик в правом окончании шкал образуют идеальную картину, идеальный образ того, к чему человек может приблизиться или от чего уйти. Причем цель этого движения (еще один посыл логико-философской модели) лежит в основании всей понятийной конструкции добра и зла.

Цель живого — это «быть», в биологической природе — просто «быть». А в социальной природе — быть человеком. Каким? Именно здесь категориальный (сущностный) человек апеллирует к некоторому образу. К какому именно образу стремиться? Человек воплощает себя в действительности тогда, когда он имеет мнение, мировоззрение, сосредоточенное пока внутри него, когда мнение

преобразуется в намерение, которое преобразуется в действие, ведущее к результату. Все это фиксируется, это можно оценивать. Поэтому, когда мы говорим об абсолютизации категорий добра и зла, о поиске абсолютного критерия, то определение, которое было дано для добра и зла, — это именно оценка, характеристика. Добро и зло — это не факт, не явление, не процесс, не результат. Это *оценка* мнений, намерений, действий и результата. Добро и зло субъектны. Без человека (его мнений, намерений, действий и результата) понятия добра и зла исчезают.

Самое главное определение. Добро — все, что делает человека человеком. Зло — то, что удаляет его от человеческого состояния. И это можно измерять и оценивать. Все что движет на рис. 1 человека вправо — добро. Все что движет влево — зло.

Что это за шкалы? Здесь введена методологическая синтетическая и синтезирующая новация, взятая из точных наук. Это на самом деле спектр состояний. Политологи знают, что такое политический спектр. Мы пошли дальше и ввели понятие количественного спектра, ровно так же, как в физике есть частотный спектр или спектр энергий. Мы предложили, и это уже применяется на практике, социологический способ количественной градации такого рода распределений оценок. Возникает даже аналог частоты. Частота — это как бы ценностно-оценочные, позиционирующие человека в политическом пространстве позиции. «Правые» и «левые» в политическом спектре, а в ценностном пространстве это то, что показано на рис. 1. Здесь справа любовь, в центре секс, а слева — извращения. Здесь труд, здесь рента, а здесь — разбой, паразитизм. Термины на самом деле с большим трудом находятся. Критический укол докладчику в дискуссии по части классификации ценностей я разделяю, потому что это еще не до конца проработано. Юлия Александровна дала свою версию, которую еще нужно совершенствовать. Но сам принцип заключается в том, что становится возможным увидеть, где находится человек или сообщество, или государство истинно человеческое. Оценка мнений, намерений, действий, результатов, по которым мы вообще судим о чем-нибудь, которая показывает, что человек движется вправо, позволяет говорить: осуществляется акт добра. Если эта же оценка свидетельствует, что человек или сообщество движутся влево, то это означает — осуществляется акт зла.

Проведение мозговых штурмов показало, что предложенный абсолютный критерий покрывает все жизненные ситуации, что он универсален.

Можно ли заявить о том, что биологический человек — это вечная сущностная назначенность человека? Нет, и это еще одна наша логико-философская позиция, которая заключается в том, что человек эволюционирует (рис. 2). Когда-то человек не существовал, не существовало его социальных, кооперативных качеств, не существовало биологических качеств. В какой-то момент возникли биологические качества, и проточеловек, биопротедеча начал развиваться.

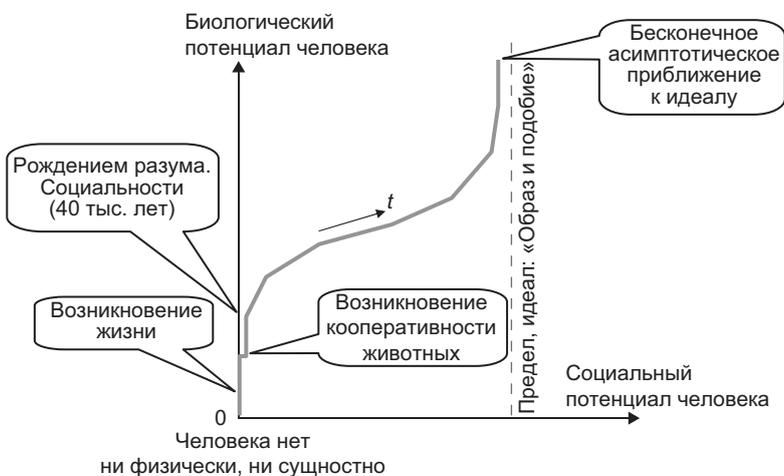

Рис. 2. Пространство потенциалов биосоциальной мегаэволюции человека

Указан параметр времени, направленный вдоль кривой. Возникли протосоциальные формы поведения — рой, стая, парность, «лебединая любовь». В какой-то момент возникло то, что еще на материалистическом языке не очень понято, объяснено — разум, или одушевленность, или сознание. Пошла резко ускоренная эволюция социальной меры. Но если мы говорим, что существует предел, идеал, к которому человек будет стремиться асимптотически,

никогда его не достигая, потому что это идеал, то это прежде всего отличительное свойство человека категориального (сущностного). Человек сущностный — идеален. Вертикальная асимптота никогда не будет перейдена, потому что именно это «образ и подобие». В религии говорится о преображении, когда человек придет к этому состоянию. Как он может к нему придти? Понятно, что он может асимптотически к этому пределу приближаться, но это ведь требует чего? Того, что у него будет парадоксальным образом ускоряться биологическая эволюция. Но нет другого предположения, кроме того, что это будет инверсная эволюция. Человек будет освобождаться от своей биоконструкции. Он уже сейчас научился заменять органы. Материальную, физическую, химическую, в килограммах и кубических дециметрах измеряемую биологическую основу он когда-нибудь отбросит. Но он же не исчезнет как человек! Он останется человеком категориальным, сущностным, который будет приближаться к идеалу. Поэтому, когда мы пришли к мысли, что человек категориальный — он справа на шкале рис. 1, человек биологический (Юлия Александровна назвала это биологическим злом) — он в центре на шкале рис. 1, то получается, что социальное зло отбрасывает человека в крайнее левое, античеловеческое состояние. Это, конечно, аномалия. Из логики этого мысленного эксперимента вытекают очень важные выводы, с точностью до логической конструкции, которая основывается на аксиоматике, в частности, аксиоматике определений.

Вывод такой: человечество будет прогрессировать неостановимо. Ничто не указывает на то, что люди вновь превратятся в животное стадо. Попытки сдвигать человечество к нему — контрдвижение. Все, что есть контрдвижение человека от человека категориального, — это есть зло. Вот в такой постановке, с учетом того, что до деталей сам словарь еще не доработан, и предлагался сегодняшний второй доклад.

Последнее и самое важное. Из этой фундаментальной теоретико-методологической картины вытекают абсолютные, конкретные, актуальные (вот еще одно требование к настоящей науке — она должна быть практически применимой по своим рекомендациям, результатам и должна быть полезной) конструктивы создания социальных оболочек и государства, как государства нравственного.

Это не беллетристика, а вполне операционализируемый на правовом, конституционном языке подход к строительству современной России, но не либеральной, сегодняшней, а постлиберальной. В государстве, в стране должны быть институты воспитания, социализации, пропаганды, образования, выстроенные на принципе добра и зла, а не на обратном — не на телепередаче «Дом-2» и возвеличивании светской львицы или хулиганов, или еще кого-нибудь. Должны быть контроль, надзор и нравственная цензура, которые в информационных потоках позволяют осуществить сдвиг человека и общества вправо, и предотвращают движение влево. Практическая проекция представленного в Центре подхода разработана достаточно детально.

Современная религиозность носит довольно поверхностный характер

Т.А. Чикаева, кандидат философских наук

Проблема добра — одна из фундаментальных проблем, которую пытается решить человечество. Мне сегодня очень понравилась как сама постановка проблемы докладчиками, так и то, как они подошли к ее решению. Последующая дискуссия была поистине исчерпывающая, и передо мной стоит сложная задача — сказать что-либо, не повторяя высказывания других участников дискуссии.

Добро и зло справедливо рассматривать как универсалии, т. е. сущности, обладающие объективностью. Но ни добро, ни зло не существуют вне человека и человечества. Человечество как сложная социальная система формулирует, объясняет и решает проблему добра и зла. Соглашусь с Владимиром Николаевичем Лексиним в том, что добро — это все, что идет на сохранение и развитие жизни. Но жизнь очень сложна и многогранна, имеет множество особенностей и нюансов, нередко противоречивых друг другу. В глобальной социальной системе можно увидеть национальные, социальные, политические и иные дифференциации.

Мы сегодня большей частью затронули проблему понимания и трактования добра и зла в разных религиозных системах.

Такой подход, безусловно, правомерен, но в сегодняшних реалиях его можно считать несколько отвлеченным. Следует признать, что большинству людей не свойственно высокое религиозное сознание, включающее осмысление философской картины смысла и цели бытия, предлагаемого тем или иным религиозным учением. Скорее всего современная религиозность носит довольно поверхностный характер, внутриличностное понимание добра и зла формируется под влиянием иных источников. Происходящее в мире на уровне внутригосударственных и международных отношений говорит о том, что религия не может быть названа определяющим фактором разделения добра и зла.

Было бы очень интересно рассмотреть вопрос о том, как понимается и воплощается добро и зло в различных культурных кодах: на Западе, на Востоке и в России. В.С. Соловьев характеризовал Запад как безбожного человека, Восток — как бесчеловечного бога, и только русское мировосприятие способно взять лучшее от каждой стороны. Однако как на Западе, так и на Востоке существует собственное представление о добре и зле — как на научном, так и на обыденном уровне. Понятия добра и зла закладываются в сознании человека, их можно изменять и углублять.

В зависимости от понимания сути добра и зла оцениваются собственные поступки и цели. Американские солдаты, бомбя Ирак, полагают, что совершают добро, поскольку их убедили, что только так возможно принести в эту страну демократию. А демократия с точки зрения американского менталитета — высшая цель, благо априори. Установление демократии покрывает все негативные явления, с которыми пришлось столкнуться на этом пути. Американские солдаты убеждены в том, что это так, что они ведут иракцев к добру. Целая система различных средств формирования общественного мнения, средства массовой информации дают им повод не сомневаться в своей позиции. Сложно поэтому добиться от них осознания реальной сущности и оценки своих действий.

Русская национальная традиция предлагает собственное трактование добра. Сейчас я несколько отступлю от традиции сегодняшнего семинара и приведу высказывание В. Даля, отразившего русское понимание добра и зла. «Добро в духовном значении — благо, что честно и полезно, все чего требует от нас долг человека,

гражданина, семьянина; противоположно худу и злу»⁶. У него же говорится о том, что зло противоположно добру, благу; всякое зло противно божескому порядку. Норма — это и есть добро. Добро для русской духовной традиции естественное, нормальное развитие событий. Добро — это то, что охраняет и сохраняет.

Но важно ответить на вопрос о том, что именно необходимо сохранять. Личность, семью, клан, страну, все человечество? В докладе у Юлии Александровны Сафоновой прозвучала цитата И.А. Гобозова, в которой он утверждает, что политика США может подвергаться осуждению, но для самих США она — добро, так как ведет к ее пользе. Русская духовная традиция выступает против такого понимания добра; соборность настаивает на приоритете целого. Не может быть добром то, что удовлетворяет интересам отдельных членов общества, противоречит интересам других его членов и обществу в целом.

Еще один аспект понимания проблемы добра и зла заключается в том, как воплощается добро и зло, как оно проявляется в мире. Очень интересен подход Юлии Александровны к категориальным человеческим ценностям, характеризующим полюс добра. Они могут быть приняты, но никогда не воплощены. Например, стремление к совершенству. Ведь глубоко в сознании, в душе можно стремиться к совершенству, желать быть лучше, осознавать свои недостатки, но не предпринимать никаких реальных действий для того, чтобы стать лучше. Получается как в одной известной песне — «я добрый, но добра не сделал никому».

Русская духовная традиция настаивает на деятельности добра, на его приходе в реальную жизнь. Забота только о собственном благополучии, желание совершать благое дело за материальную плату осуждаются.

К сожалению, современная система воспитания уделяет недостаточно внимания проблеме сущности добра и зла. Реформы образования все больше отдаляют молодое поколение от национальных традиций, формируют шаблонное мышление, согласно которому добро есть то, на что указывает авторитетная личность.

Философское понимание добра как категории, пожалуй, определено, оно объективно, на уровне категорий большинство участ-

⁶ <<http://slovardalja.net/word.php?wordid=6510>>.

ников дискуссии придерживаются сходных позиций. Но вот, как и почему именно таким образом воплощается добро, какие действия, слова и мысли являются добром или злом — остается до конца не понятным. Решение этой задачи невозможно без обращения к национальному культурному архетипу, национальному характеру, без раскрытия национально-государственных целей и ценностей.

В заключение хотелось бы привести небольшой тезис к размышлению. Известная формула ставит в один ряд — как взаимосвязанные — понятия добра, истины и красоты. А можно ли добавить противоположную триаду: добра, лжи и безобразного?

Заключительное слово докладчиков

С.И. Реснянский

Наша сегодняшняя дискуссия не могла, естественно, решить весь круг вопросов, связанных с проблемами добра и зла в современном мире. Да мы и не стремились к этому. Нашей задачей, на мой взгляд, являлось лишь обозначение данной темы, а значит ее актуализация. А это открывает, как мне представляется, новые перспективы в наших дальнейших дискуссиях с точки зрения, как сказал Вардан Эрнестович Багдасарян, сближения религиозно-философского и научного (секулярного) концептов в изучении животрепещущих проблем современности и, конечно же, проблемы добра и зла.

Как мне представляется, эта проблема лежит в плоскости метафизики человеческого бытия, соединяющей воедино и земное и Божественное. Так вот, пусть секулярная наука занимается исследованием данной проблемы в природной, земной сфере человеческого существования, а религиозное Откровение постигает эту проблему в сфере Духа. И тогда вместе мы постараемся достигнуть понимания цельности мироздания.

И еще два момента с точки зрения наших будущих дискуссий. В кибернетике, как вы все знаете, существует принцип разнообразия Эшби: модели должны соответствовать сложности проблемы. Непонимание сложности проблемы приводит к примитивным решениям, которые не могут решить проблему. Но, с другой стороны, есть принцип бритвы Оккама: не следует умножать число сущностей сверх необходимости. Я хочу пожелать всем участникам нашего дискуссионного стола найти этот срединный, царский путь в поисках истины.

И еще одно замечание. Сейчас время сеяния по Писанию: «Что посеет человек, то и пожнет, сеющие в плоть свою от плоти пожнут тление, а сеющие в Дух от Духа пожнут жизнь вечную».

Спасибо всем за участие в обсуждении доклада!

Ю.А. Сафонова

Уважаемые участники семинара! Благодарю всех присутствующих за очень интересные вопросы и дискуссию. Отдельное спасибо Степану Степановичу Сулакшину за предоставленную возможность выступить и апробировать в кругу профессионалов первые результаты моего исследования.

Стоит отметить, что многие затронутые в процессе обсуждения темы — такие как варианты конкретно-исторических воплощений добра и зла в сложных социальных системах, взаимопроникновения добра и зла, редукция добра по мере его практического воплощения и т. п. — предвосхитили мою дальнейшую работу над проблемой. Надеюсь, что некоторые вопросы, намеренно оставленные сегодня без ответа в силу незавершенности исследования, мне удастся раскрыть и проанализировать на конкретном фактическом материале уже в ближайшее время и, может быть, в дальнейшем вновь выступить перед собравшимися с окончательными результатами своей работы.

Хочется верить, что в будущем мне все же удастся убедить представителей этического релятивизма в тупиковости и научной необоснованности их позиции. Следует отметить, что многие приводимые сегодня аргументы в пользу относительности добра и зла, уже достаточно давно были опровергнуты фундаментальной наукой.

Так, например, не раз упоминавшийся сегодня факт существования каннибализма в древности, который якобы доказывает, что для человечества никогда не существовало единых и абсолютных нравственных ценностей, на мой взгляд, не может рассматриваться в качестве сколько-нибудь серьезного аргумента в защиту нравственного релятивизма.

Один из ключевых законов этики гласит, что факт наличия в обществе жестоких нравов не означает, что такие нравы одобряются данным обществом в качестве нравственно положительных. Кроме того, грубое перенесение в прошлое современных представлений о том, как практически должны воплощаться нравственные аксиомы, идет вразрез с принципом историзма. Так, собравшимся должно быть известно, что Леви-Стросс, изучая факты убийства

стариков жителями Полинезии (часто сопровождаемые актами каннибализма), обнаружил, что в сознании самих полинезийцев эта традиция воспринималась как акт милосердия и любви к своим ближним. Желудок потомков рассматривался как лучшее место для пребывания немощных стариков, которые в силу возраста уже не могли вынести тягот предстоящего похода.

Естественно, что нравственный прогресс в дальнейшем позволил осудить подобные «варварские» нравы, однако ценности заботы о ближних и любви к ним остались неизменными.

И в заключение хотелось бы остановиться на проблеме биологического начала в человеке. Кто-то из присутствующих пошутил, что я выступаю его яростным противником, и потому, якобы, «имею что-то против тигров» и других представителей фауны. Хочу отметить, что это грубое упрощение всего сказанного мною сегодня. В тигре я не вижу никакого зла, наоборот, злом для тигра было бы вдруг перестать ощущать себя тигром и посчитать себя антилопой (или элементом неживой природы — например, камнем). Думаю, каждый в состоянии представить печальные последствия такого решения для благородного хищника. Так вот, точно таким же злом (со всеми вытекающими последствиями) для человека является представление о том, что он *только* животное. Человек не должен вести себя как зверь, а должен развивать свои специфические человеческие качества, которые выражены в том числе в виде набора исконно человеческих нравственных ценностей. Так что пафос моего выступления следует сводить не к отказу от биологического начала в людях (в пределе это равносильно смерти от недоедания, недосыпания и прекращения размножения), а к призыву человеку становиться и оставаться Человеком.

Темы семинара
«Фундаментальные вопросы развития
сложных социальных систем»

1. Витальный подход к сложной социальной системе
2. К понятию успешности сложной социальной системы
3. Возможности теоретического моделирования в познании сложных социальных систем
4. Современное представление о человеческом сознании
5. Биологическая и социальная эволюция
6. Футурология эволюции человека: в чем состоит асимптотический предел?
7. «Ценности» и «цели» в функционировании и эволюции сложной социальной системы
8. «Ценности» и «цели» и современные альтернативы политических парадигм в развитии мира
9. Религиозное (древнее) и современное научное понимание сущности живой природы и человека
10. Доказательство Бога
11. Что такое добро и зло, и каково их воплощение в современных парадигмах (центрах) развития мира
12. «Ценностная» история, современность и прогноз развития России
13. Нравственность в живой и социальной природе

Список участников семинара «Фундаментальные вопросы развития сложных социальных систем»

- Акаев Аскар Акаевич**, доктор технических наук, профессор, иностранный член РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем им. И.Р. Пригожина
- Андреев Игорь Леонидович**, доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора методологии междисциплинарных исследований человека ИФ РАН
- Асонов Николай Васильевич**, доктор политических наук, профессор Московского государственного педагогического университета
- Багдасарян Вардан Эрнестович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса
- Бузгалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, координатор ООД «Альтернатива»
- Горин Дмитрий Геннадьевич**, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала РАНХ и ГС
- Замятин Дмитрий Николаевич**, доктор культурологи, кандидат географических наук, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
- Кагарлицкий Борис Юльевич**, директор Института глобализации и социальных движений
- Кара-Мурза Сергей Георгиевич**, доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН
- Кирдина Светлана Георгиевна**, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем Институт экономики Российской Академии наук
- Кравченко Сергей Александрович**, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России
- Кудюкин Павел Михайлович**, доцент кафедры теории и практики государственного управления — Высшей школы экономики
- Кузнецов Игорь Иванович**, доктор политических наук, заместитель декана факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

- Лексин Владимир Николаевич**, доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН
- Лисеев Игорь Константинович**, доктор философских наук, руководитель Центра био и экофилософии Института философии РАН
- Малков Сергей Юрьевич**, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, профессор кафедры прикладной математики РГСУ
- Межуев Вадим Михайлович**, доктор философских наук, Институт философии РАН
- Ремизов Михаил Витальевич**, кандидат философских наук, Президент Института национальной стратегии
- Реснянский Сергей Иванович**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Российского государственного университета туризма и сервиса
- Сафонова Юлия Александровна**, руководитель информационно-аналитического отдела Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Сулакшин Степан Степанович**, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Тихомиров Юрий Александрович**, доктор юридических наук, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
- Чернавский Дмитрий Сергеевич**, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН
- Чикаева Татьяна Александровна**, кандидат философских наук, доцент Института экономики и антикризисного управления
- Шевченко Владимир Николаевич**, доктор философских наук, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН
- Шубин Александр Владленович**, доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН
- Юревич Андрей Владиславович**, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, зам. директора по науке Института психологии РАН